ЕВЕЛИНА,

ИЛИ

ВСТУПЛЕНІЕ

МОЛОДОЙ ДѢВИЦЫ

ВЪ СВѢТЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1798.

Съ одобренія Московской Ценсуры.

ЕВЕЛИНА.

ПИСЬМО XXX.

Отъ Сира Жона Белмонта къ Лади Говардѣ.

Я получилъ почтенное ваше письмо, на которое спѣшу моимъ отвѣтомъ. Можно почитаться святымъ и имѣть притомъ множество недостатковъ; такъ равно и изображену быть гнуснѣйшими красками, и не быть совершенно безъ всякихъ чувствій человѣколюбія, въ чемъ уповаю васъ скоро удостовѣрить, касательно Г. Вилларса и меня. Относительно же до предлагаемой имъ для представленія ко мнѣ молодой дѣвицы съ такою благосклонностію, то я желаю ему въ томъ всякаго щастія, къ которому подъ почтеннымъ вашимъ покровительствомъ, кажется, снискиваются ему права; и толькобъ одарена она была нѣкоторою частію достоинствъ той особы, съ которою вы ее сравниваете, сударыня; не сумнѣваюсь ни мало, чтобъ Г. Вилларсъ не предуспѣлъ удобно утвердить ея щастіе; но совѣтую ему къ тому приступъ взять у всѣхъ другихъ, паче нежели у меня, и я его охотно уволь-

ляю отъ предпочтенія, которымъ ему угодно меня жаловать, и проч.



ПИСЬМО XXXI.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Все совершилось, любезной государь! наконецъ пагубное письмо получено, содержащее въ себѣ мой приговоръ. Я не въ силахъ вамъ изъяснить печаль, грудь мою отягчающую. Вы, зная мое сердце, легко почувствуете, въ какомъ состояніи я доджна находиться въ сію рѣшительную минуту. Презрѣнная, отверженная тѣмъ, которому принадлежу по священному праву, буду ли еще просить вашего покровительства? Нѣтъ, государь мой, не озлоблю вашего великодушія прозьбою, которая имѣлабъ видъ сумнѣнія о вашихъ милостяхъ. Знаю, что ваши отеческія объятія еще мнѣ отверсты; вѣдаю, что первое ваше желаніе стремится ко услажденію моихъ болѣзней; и вы будучи мой единой на земли утѣшитель, больше нежели когда либо увѣрена пребываю о участіи, которое вы въ моемъ жребіи принимать благоволите.

Желала бы снесть сіе пораженіе, возвергшись на Бога; но для бѣднаго сердца моего поколебленіе до сего часа весьма сильно. Какое письмо, государь мой! познается ли слогъ и чувствія отеческія въ ономъ? Не смѣю вамъ, не осмѣлюсь самой себѣ признаться въ объемлющихъ душу мою умоначертаніяхъ; иногда, да и съ трудомъ отъ того могу воздержаться, жестокосердіе такого поступка внушаетъ мнѣ чувствія, неудобовозможныя къ *соглашенію* съ моею должностію. Позвольте мнѣ васъ спросить: сей отвѣтъ не могъ ли умѣреннѣе быть? Не довлѣлобъ ли отрещись отъ меня навсегда, безъ поступленія со мною съ такимъ презрѣніемъ, безъ приложенія столь жестокаго поруганія? И въ какихъ изреченіяхъ онъ отзывается объ васъ; мой покровитель, мой другъ, мой благодѣтель! Праведный Боже! какая мзда за толикую милость! къ нещастію предвижу, что сей отзывъ не кончитъ тяжбы. Гжа. Дюваль не намѣрена въ томъ спокойна остаться: предъявляетъ, что Баронетъ Бельмонтъ *тѣмъ не расплатится съ нею такъ дешево.* Она сожалѣетъ, что съ такою легкостію отдала сіе дѣло въ руководство *такимъ людямъ, которые въ томъ ничего не разумѣютъ; божится*, что окромѣ самой себя ни отъ кого уже больше не потребуетъ совѣ-

та. Я вскрикнула, и не безъ причины, противъ ея насильственныхъ намѣренiй, и съ покорностiю просила ее пощадить насъ отъ производствъ тяжебныхъ, которыя послужатъ только къ огорченiю духовъ; я ей представляла, что сiя осмотрительность тѣмъ больше удобополезнѣе, что письмо Г. Бельмонта, кажется, внушаетъ, что онъ располагается о семъ дѣлѣ впредь сношенie имѣть съ Лади Говардою. Всѣ мои усилiя были безполезны: Гжа. Дюваль начертала въ сердцѣ своемъ такой планъ, котораго одна только мысль меня устрашаетъ. Она объявляетъ, чтобъ меня съ собою отвезти въ Парижъ, представить меня отцу, и на мѣстѣ самомъ дать дѣйствовать правосудiю законовъ. Я не научена хитрости успокоить сiю женщину; но ни за что въ свѣтѣ не потерплю быть влеченной такимъ образомъ на страшные глаза отца отъ меня отрекающагося. Неблагоуспѣшество сего производства, кажется, удручаетъ духъ Лади Говарды и Гжи. Мирваны; они усугубляютъ ко мнѣ уваженiе: милая моя Марiя дѣлаетъ всевозможныя усилiя къ моему утѣшенiю; въ чемъ хотя иногда и не предуспѣваетъ, но всегда грусть мою со мною раздѣляетъ.

Лади Говарда совѣтуетъ мнѣ сохранить довѣренность и любовь Гжи. Дюваль, хотя и весьма не одобряетъ питаемой ею въ сердцѣ своемъ поступокъ: пусть лучше умру, нежели соглашусь на предпріятіе сего путешествія. Но однакожъ будучи столь насильственна въ своемъ сложеніи, она желала бы сей же часъ со мною въ путь пуститься, естьлибъ Лади Говарда не дала ей возчувствовать, что я не могу изъ дома ея выѣхать безъ вашего соизволенія. Сей отказъ весьма много ее возмутилъ: она возвѣстила, что ежели въ первомъ вашемъ письмѣ вы воспротивитесь оспоривать ей право управлять мною, такъ какъ ей угодно, то она немедленно пріѣдетъ въ Берри-Гиль, *чтобъ вамъ показать, кто она такова.* Ежели дѣйствительно она мыслитъ въ существо привесть сіи угрозы, меня то весьма потревожитъ: ея горячность и скоротечность языка суть сложенія духу вашему не совмѣстимы.

Я сама съ собою сообразиться не могу, къ дѣйствію или къ различенію, въ какую сторону мнѣ пристойнѣе поступить; покорно прошу и ожидаю вашихъ наставленій, совершенно полагаюсь на ваше благоразуміе и просвѣщеніе.

Прощайте, мой любезной государь! былабъ я отвержена и презрѣнна всѣми, то

вы еще по меньшей мѣрѣ для меня останетесь, и дружба ваша мнѣ все замѣнитъ.

ПИСЬМО XXXII.

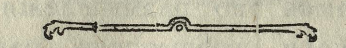
Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Не давай себя превозмогать, любезная моя Евелина, нещастливымъ пораженіемъ жребія тобою невопричиненнаго. Ты не заслуживаешь никакого себѣ выговора, того и довольно. *Вооружайся*, мое дитя, бодростію своей невинности: печаль твоя должна относиться къ содѣятелю ея; онъ почувствуетъ во свое время угрызеніе своея совѣсти. Для меня совсѣмъ непонятно то, что Бар. Белмонтъ обо мнѣ *пишетъ*; думаю, что я съ твердостію духа исполнилъ долгъ честнаго человѣка; но я никогда не мыслилъ представлять себя въ несовершенствахъ отчужденнымъ. Какъ бы то ни было, онъ кажется предобѣщаетъ намъ впредь точнѣйшее обьясненіе; я буду его ожидать, и естьли тогда окажется, что я споспѣшествовалъ моею погрѣшностію нещастіямъ, слезы отъ насъ исторгающимъ, я столько же буду пораженъ симъ открытіемъ, какъ и прочіе мои пріятели, кои больше довѣренности къ моему праводушію имѣютъ.

Сіе изреченіе, которымъ онъ произноситъ *о щастіи, кое я могу для тебя снискать*, также равномѣрно непонятно. Но я предаюсь въ размышленія, долженствующія паки растворить раны твоему сердцу. Окончить хочу примѣчаніемъ, что во всемъ слогѣ сего письма владычествуетъ видъ нѣкоторой тайности, которую одно время изтолковать можетъ.

Намѣреніе Гжи. Дюваль есть такое, каковаго ожидать должно отъ женщины, всякимъ препинаніямъ непріятствующей, неспособной при томъ чувствовать, до какого степени положеніе твое нѣжно. Весьма похваляю твое ей оказанное сопротивленіе, и образъ мысли твоей въ семъ уваженіи совершенно съ моимъ согласуетъ. Пусть себѣ одна ѣдетъ, никто ей въ томъ не будетъ противиться. Это будетъ надежнѣйшій способъ возвратить моей Евелинѣ то щастливое спокойствіе, которое ея присутствіе нарушило. Что же касается до ея ко мнѣ предпринимаемаго посѣщенія, я бы охотно ее отъ того избавилъ; но естьли она рѣшилась не удовольствоваться моимъ письменнымъ ей отказомъ, то можетъ пріѣхать получить изустно мною для нее пріуготовленной.

Прощай, любезное мое дитя! не забудь принести мое почтеніе благосклонному дому, коему мы столько одолженными себя почитаемъ.



ПИСЬМО XXXIII.

Отъ Г. Вилларса къ Лади Говардѣ.

Милостивая моя Государыня!

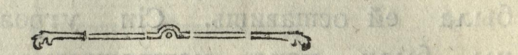
Гжа. Дюваль сдѣлала мнѣ посѣщеніе. Желалъ бы я избавиться отъ сего свиданія; но не могъ съ пристойностію избѣжать онаго; весьма не возможно было, не выслушавъ ее, отослать назадъ обратно. Она мнѣ сказала, что пріѣхала за тѣмъ, чтобъ я отступилъ отъ власти, мною насильно надъ внукою ея захваченной, и предъявляла, что не оставитъ моего дома, пока не получитъ ею требуемое; видя меня сильно упорствующаго къ отъѣзду Евелины въ Парижъ, она требовала, чтобъ по крайней мѣрѣ позволено было ей удержать ее въ Лондонѣ до возвращенія Бар. Белмонта. И сіе ея намѣреніе оспоривалъ я паки со всевозможнымъ усиліемъ, сколько могъ; мои представленія кончились только тѣмъ, чтобъ ее вывесть изъ терпѣнія. Напосл'докъ объявила она мнѣ, что естьли я буду упрямиться

отдать ей мою питомицу, то она примет мѣры отказать постороннимъ все имущество, которое донынѣ намѣрена была ей оставить. Сіи угрозы не сильны были меня устрашить; я увѣренъ, что моя Евелина будетъ щастлива малымъ чемъ къ жизни потребнымъ; но размыслилъ притомъ, что я не имѣлъ права лишить ея безчисленнаго наслѣдства, кое зависѣло бы отъ моего согласія; и такъ ея польза превозмогла надъ моею отвратительностію; обѣщалъ ей, что она поѣдетъ въ Лондонъ только на одинъ мѣсяцъ. Послѣ великихъ мучительныхъ переговоровъ, Гжа. Дюваль принуждена была остановиться на томъ, что я ей весьма недоброхотно дозволилъ, и мы разстались весьма недовольны другъ другомъ, какъ тому и должно было быть.

Остается мнѣ вамъ, милостивая государыня моя, благодарность принести за оказанныя вами къ Евелинѣ въ бытность ея въ Говардъ-Гровѣ милости. Вы можете ее отпустить, какъ скоро бабушка ея пожелаетъ ее съ собою взять. Естьли что предувѣряетъ меня противъ опасностей сего путешествія, и неудобностей такого сообщенія, есть превосходство ея свойствъ и ма-

лое время, кое продлиться долженствуетъ ея отсутствіемъ.

Имѣю честь пребывать, и пр. и пр.



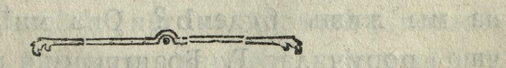
ПИСЬМО XXXIV.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Гжа. Дюваль предуспѣла исторгнуть у меня согласіе, которое стоитъ мнѣ много сожалѣнія. Ты оставишь, моя любезная Евелина, почтенную Лади-Говарду для отъѣзда въ городъ, куда не чаялъ я, чтобъ ты такъ скоро возвратилась. Ахъ! моя дочь, долго ли намъ столь часто раболѣпствовать предразсужденію и обстоятельствамъ? Должно ли уступать силѣ теченія, когда даже самъ разсудокъ не одобряетъ нашего поступка? Ты чувствуешь, что сильныя побужденія убѣдили меня къ сему вознамѣренію: и какъ дѣло совершилось, постараемся по крайней мѣрѣ, сколь возможно, лучшую пользу чрезъ то выиграть.

Вотъ пришло время тебѣ вооружиться больше, нежели когда либо благоразуміемъ. Мѣсяцъ продолженія съ Гжею. Дюваль будетъ служить тебѣ времянемъ искуса. Хотябъ она не была способна подавать тебѣ негодные совѣты изъ злости, ты однакожъ

всегда должна осторожностію себя предохранять и не довѣрять скудоумному ея разсужденію. Поставь себѣ въ привычку разсуждать и дѣйствовать сама собою; и естьлибъ тебѣ предложены были поступки или предначинанія, несовмѣстимыя съ твоею должностію, отвергни смѣло ихъ; не отваживайся весьма легкою податливостію подвергнуть себя обреченію народному, и не предуготовляй себя къ сокрушеніямъ въ предбудущее. Уважай Гжу. Дюваль, но старайся убѣгать ея сообществъ: люди ею посѣщаемые не суть ни возвышенія, ни воспитанія, чѣмъ бы они тебѣ честь сдѣлать могли. Помни, моя Евелина, что доброй слухъ есть для женщинъ лучшее въ свѣтѣ сокровище: но также и ничто столь нѣжно и бренно. Одно дуновеніе порока довольно весьма часто къ ея поблѣянію. Прощай, мое дитя, я не обрѣту себѣ покоя до изтеченія мѣсяца.



ПИСЬМО XXXV.

Отъ Евелины къ Г. Виллярсу.

Вчерась поутру къ сожалѣнію моему оставила я нашихъ друзей въ Говардъ-Гровѣ, и уже скучаю ихъ опять видѣть. Лади Говарда

и Гжа. Мирвана распрощались со мною, подавъ мнѣ опыты наиласкательнѣйшія своей любви. Марія прощаясь раздирала мое сердце: сколь жестока намъ показалась сія разлука! я слово дала сей премилой дѣвицѣ писать къ ней на каждой почтѣ непремѣнно, и производить буду сію переписку съ такою же чистосердечностію, и съ такою же довѣренностію, какія вы мнѣ позволяете употреблять въ моихъ къ вамъ письмахъ.

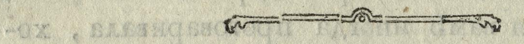
Какъ скоро мы въ путь отправились, Гжа. Дюваль изъяснилась въ своемъ удовольствіи сими словами: *слава Богу! теперь я отъ нихъ освободилась! какая жизнь въ семъ Говардъ-Гровѣ! Нѣтъ, никогда тамъ меня уже опять не увидятъ! это мѣсто самое скучное, которое въ Христіанскомъ народѣ быть можетъ; никакихъ увеселеній, никакихъ удовольствій!* Я ее спросила, въ какой части Лондона мы жить будемъ? Она мнѣ отвѣчала, что поручила Г. Брангтону нанять для насъ квартиру, и назначила ему къ нашему свиданію въ трактирѣ, гдѣ мы пристанемъ. И такъ извощикъ привезъ насъ въ Бишопсъ-Гетъ улицу, гдѣ встрѣтилъ насъ Г. Брангтонъ, которой принялъ насъ ласково; но оказалъ нѣкоторое удивленіе, видя

меня пріѣхавшую съ его теткою; онъ не зналъ, что и я пріѣду; Гжа. Дюваль не укоснила обо мнѣ изъясниться. Надобно вамъ знать, сказала она Г. Брангтону, что я намѣреніе имѣла отвезти съ собою въ Парижъ сію молодую дѣвицу, показать ей свѣтъ, и нѣкоторой ей видъ дать: притомъ же имѣю еще нѣкія намѣренія съ нею, о чемъ подробно васъ увѣдомлю. Но вообрази себѣ, сей старой деревенской попъ, о которомъ я вамъ иногда проговаривала, хотѣлъ ее удержать? однакожъ уповаю, заплатитъ онъ мнѣ за свой отказъ; ибо я съ нею отправлюсь никому ни слова не сказавши.

Я окостенѣла услыша такое ея открытіе; но всегда щастливою себя нахожу, что узнала мысли Гжи. Дюваль; въ слѣдствіе того приму свои предосторожности, и весьма буду беречься за городъ съ нею ѣздить.

Г. Брангтонъ сказавши, что семья его и Г. Дюбуа насъ у него ожидаютъ, подвезли къ намъ наемную карету, въ которой мы пріѣхали въ Сноу-Гиль. Домъ Брангтоновъ малъ и неуютной, кромѣ лавки просторной и хорошей. Пріемъ ихъ меня не весьма мнѣ показался дружескимъ; и я съ удовольствіемъ воспользовалась минутою нашего отъѣзда. Г. Брангтонъ насъ

предупредилЪ, что нанялЪ для насЪ квартиру вЪ Голбурнѣ, чтобЪ имѣть удовольствіе сЪ нами быть вЪ сосѣдствѣ, и сЪ благосклонностію самЪ насЪ туда препроводилЪ. Мы помѣщены вЪ оной довольно выгодно вЪ домѣ одного шапошника. Не гораздо однакожЪ состояніе мое завидно; по крайней мѣрѣ желалабЪ я не повстрѣчаться ни сЪ кѣмЪ изЪ знакомыхЪ Гжѣ. Мирванѣ, и пр.



ПИСЬМО XXXVI.

ОтЪ Евелины кЪ МисЪ-Мирванѣ.

КакЪ изЪявить тебѣ мою благодарность за толико знаковЪ оказанной твоей ко мнѣ любви тобою, моя наипріятнѣйшая подруга, твоею почтеннѣйшею матерью и превосходнѣйшею Лади ТовардЪ! какимЪ образомЪ изобразить сожалѣнія душу мою пронзающія, оставя друзей столь нѣжныхЪ, столь великодушныхЪ, вЪ коихЪ нашла я чувствія, возвышающія толико ихЪ благородное сердце, сколько честь дѣлаетЪ той, которая была предметомЪ ихЪ благости! Но чтобЪ не повторять сказаннаго, ссылаюсь на содержаніе моего кЪ Госпожѣ Мирванѣ на сей же почтѣ писаннаго письма; изЪ-

являющаго слабыя начертанія моей благодарности. Что до тебя касается, моя любезная, я тебя избавлю отъ благодареній, поелику ты ихъ мнѣ воспретила; но не возбранишь мнѣ сохранить въ памяти то, чѣмъ я тебѣ должна. Начну о другихъ дѣлахъ говорить, дабы не оскорбить твоей нѣжности, распространяясь больше о нижеслѣдующемъ.

О любезнѣйшая моя Марія! Лондонъ не тотъ сталъ городъ, въ коемъ наслаждалась я толикимъ удовлетвореніемъ въ то время, какъ съ тобою въ немъ была; все въ немъ для меня взяло видъ новой: положеніе мое уже не то больше; не нахожу больше моихъ сообществъ; не живу уже больше съ моею подругою; все перемѣнилось; все представляетъ мнѣ отвращеніе, которое я имѣла къ сему путешествію.

Лондонъ превратился теперь въ очахъ моихъ въ пустыню; сей видъ веселости и величія мною столько прославлявшаго изчезъ; все, что мнѣ въ немъ представляется, поражаетъ мысль мою впечатлѣніемъ смущеннымъ и груснымъ, даже вліяніе воздуха перемѣнилось въ грубость, въ жары чрезмѣрные, въ великую пыль, жители въ невѣжество и въ дурное обращеніе преобратились: такое по крайней мѣрѣ изображеніе представляетъ мнѣ столичной городъ

въ той части, гдѣ я теперь жительствомъ пребываю. Припомнишь ли то время вмѣстѣ нами препровожденное? Я съ моей стороны часто объ немъ воспоминаю; но въ мысли моей объ немъ начертываю, какъ во снѣ, какъ привидѣніе мимошедшее и незбытошное, что я знавала Милорда Орвиля, — съ нимъ говаривала; — съ нимъ танцовала; — все сіе кажется мнѣ теперь обольщеніемъ романическимъ: и сія вѣжливость, прекрасная въ обхожденіи, сіи уваженія, сіе изощреніе великаго свѣта, столь отмѣнно его отличающія между всѣми людьми, и которые наполняли насъ къ нему почтеніемъ и восхваленіемъ, все сіе кажется сходствуетъ съ существомъ умоначертаннымъ, воображеніемъ моимъ содѣланнымъ, паче нежели съ того рода людьми, съ коимъ я осуждена жить. Я не имѣю ничего новаго къ тебѣ писать, да и ни о чемъ таковомъ знать не хочу: въ настоящемъ моемъ положеніи не остается мнѣ никакихъ другихъ обѣтовъ возсылать, какъ только быть спокойной и невѣдокой.



ПИСЬМО XXXVII.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Вчерашняго утра мы были приглашены къ обѣденному кушанью и проводить день въ семьѣ Брангтоновой; Г. Дюбуа тожъ званной прiѣхалъ за нами, чтобъ препроводить насъ въ Сноу-Гиль.

Мы усмотрѣли въ лавкѣ одного молодаго человѣка въ траурномъ платьѣ, объ стѣну опершагося, руки сложенныя, и глазами въ землю потупленнаго: все его тѣлоположенiе возвѣщало человѣка задумчиваго, въ глубокое мыслей разсѣянiе погруженнаго. Онъ вышелъ, сколь скоро насъ увидѣлъ; и я примѣтивъ, что никто объ немъ не думалъ, не могла обойтись, чтобъ не увѣдомиться и узнать, кто онъ таковъ. Это, сказали мнѣ съ холодностiю, одинъ бѣдной Скотландской стихотворецъ, которой по видимому съ голоду умираетъ. Положенiе сего иностранца возбудило во мнѣ вдругъ и сожалѣнiе и любопытство; и я оказала нѣкоторое желанiе узнать другiя подробности. Тогда увѣдомилась я, что онъ живетъ въ домѣ около трехъ мѣсяцовъ; что съ самаго начала онъ содержался пищею у Брангтоновъ, но что скоро по томъ отъ стола отказался. Съ сего времяни, примолвила Мисъ-Поли,

не видѣли мы, чтобъ онъ какую либо пищу употреблялъ, и Богъ знаетъ, есть ли у него что въ ротъ положить. Онъ всегда казался въ тугѣ; но около мѣсяца больше прежняго оказываетъ видъ отягченнаго человѣка. Онъ вдругъ надѣлъ траурное платье незнаемо по комъ, и по какому случаю; а мы думаемъ, что то единственно по вкусу: ибо никому нѣтъ до него нужды, и сумнѣваемся, чтобъ онъ женатъ былъ. А что всего вѣрнѣе, то, что онъ три недѣли не платитъ уже за квартиру, и что деньги у него не водятся; нѣкоторыя сочиненія въ стихахъ, кои мы у него въ горницѣ отъ время до времяни нашли, увѣряютъ насъ, что онъ стихотворецъ, или по меншей мѣрѣ что у него мозгъ нѣсколько помѣшался. Они мнѣ показали нѣсколько отрывковъ въ безпорядкѣ, писанныхъ на оторванныхъ листахъ, безъ расположенія и безъ связи, кои всѣ означаются впечатлѣніемъ меланхоліи. Между оными примѣтила я нѣкоторое сочиненіе, которое сочла достойнымъ къ сохраненію; оное при семъ включается:

*
* *

Плачевно существо, наполненно страданья!
Соборъ несносныхъ мукъ, мечтательныхъ суетъ!
Твоя благая вся суть только упованья:
Не вижу ничего въ тебѣ, окромѣ бѣдъ.

*
* *

О ты, что детски мнишь, все жертвой, все въ сбманѣ,
И прилагаешь студъ къ своей злодѣйства ранѣ!
Не ужель слѣдуя ты нуждамъ и страстямъ,
Мнишь щастія искать въ сновидѣньи огромномъ?
Твоя судьба идетъ на брань твоимъ мечтамъ.

*

* *

Вѣщай мнѣ существо, исполнь страданій,
Кому твой щастья даръ во мзду щедротъ принесъ?
Рожденіемъ ли въ свѣтъ открывшихъ, днямъ стенаній?
Ученья съ пользой мракъ незнаній
Очищенъ горестями весь:
Въ взмужалость пылкихъ лѣтъ желаній
За безпокойствами съ распутствомъ стыдъ идетъ:
А возрастъ опытныхъ познаній
Раскаянье во слѣдъ влечетъ.
Мы щастье, умереть, купуемъ въ скорьби лѣтъ
Цѣной несказаныхъ терзаній.

*

* *

Плачевно существо, наполненно страданья!
Соборъ несносныхъ мукъ, мечтательныхъ суетъ!
Твоя благая вся суть только упованья;
Не вижу ничего въ тебѣ окромѣ бѣдъ.

Сей отрывокъ трогательной доказываетъ сердце снѣдающее жесточайшимъ сокрушеніемъ. Сочинитель мнѣ жалокъ; надобно, чтобъ съ нимъ приключились великія нещастія; но не понимаю, какъ можно ему рѣшиться оставаться съ людьми его презирающими, какъ по причинѣ его бѣдности, такъ и народному предразсужденію. Конечно имѣетъ онъ сильныя причины сносить ихъ жестокость: можетъ быть, ахъ! одна нужда предписываетъ ему законъ. Я искрен-

ко объ немъ соболѣзную, и хотѣлабъ быть въ состояніи подать ему нѣкоторую помощь.

Насъ весьма худо кормили, ѣствы дурно состряпанныя; у стола служили служанка и дѣти Брангтоновы; брань непрестанная; все сіе ни мало не служило къ нашему увеселенію, меньше же того еще хотябъ по крайней мѣрѣ позбавили видъ спеси угощенія, кое причитали себѣ симъ подчиваніемъ.

Остатокъ дня провели мы въ горницѣ у Г. Шмита, молодой глупецъ изъ рода наискучливѣйшихъ людей, которой весьма кажется на глаза Мисъ Брангтонѣ, и коего рѣчи напряженныя мнѣ до крайности наскучили. Въ какое сообщество я попалась! О любезный мой государь! какъ бы желала я, чтобъ отъ меня зависѣло приближить ту минуту, въ которую оное покину, дабы къ вамъ возвратиться!

ПИСЬМО XXXVIII.

Отъ нее къ нему же.

Ахъ, любезный мой государь! я подвергла себя смертельному страху, а въ тожъ самое время великой причинѣ радости: я спасла отъ смерти одного человѣка, которой безъ меня пропалъ бы.

Г-жа. Дюваль сего утра повѣстила мнѣ, что намѣрена позвать къ себѣ на завтрашній день семью Брангтонову; и не разсудивъ за благо еще вставать съ постели (въ которой обыкновенно все утро лежитъ), поручила мнѣ сіе исполнить. Я нашла Г. Брангтона въ своей лавкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что дѣти его съ двора пошли, но что скоро назадъ будутъ. Онъ меня просилъ вверьхъ пойти и тамъ ихъ подождать, что я и здѣлала. Вошла въ ту горницу, гдѣ мы накапунѣ обѣдали, и страннѣйшимъ случаемъ сѣла я, обратясь лицемъ къ лѣстницѣ.

Не прошло четверти часа, увидѣла я прошедшаго Шкотландца, о которомъ я къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ писала. У него глаза были помущенные, походка шаткая, и усмотрѣла я дуло пистолета, высунувшагося изъ кармана. Я опасалася, зная бѣдное состояніе сего молодаго человѣка, чтобъ онъ не покусился на какое дурное дѣло, и пораженная сею мыслію, была какъ неподвижна; между тѣмъ размышляя, что можетъ-быть предупрежду какое либо нещастіе, укрѣпилась. Мое первое намѣреніе было бѣжать къ Г. Брангтону, но все могло зависѣть отъ одной минуты. И такъ послѣдуя страху, мнѣ внушившему, пошла

вверьхъ въ третье жилье, и пришедши на верьхъ лѣстницы, остановилась. Двери горницы не были притворены, и пистолетъ лежалъ на столѣ: иностранецъ вынулъ другой изъ своего кармана, и нѣчто изъ небольшаго кожанаго мѣшечка, послѣ чего взялъ къ каждую руку по пистолету, бросился на колѣни, и закричалъ: прости, о Боже мой!

Вдругъ бросилась я въ горницу, схватила его за руку, и сама упала безъ чувствъ, однакожъ скоро оправилась. Сей нещастной стоялъ предо мною, и смотрѣлъ на меня окомъ вдругъ и звѣрообразнымъ и умягченнымъ; пистолеты лежали на полу; хотѣлабъ я ихъ отнять, но весьма ослабѣла: мы нѣсколько минутъ были въ такомъ положеніи. Наконецъ не зная къ чему приступить, я шла вонъ, и онъ меня пропустилъ: стоялъ неподвижимъ въ наибольшемъ отчаяніи. Будучи сожалѣніемъ подвигнута, возвратилась я назадъ обратно, и побужденная чувствіемъ, коего не въ силахъ была удержать, рѣшилась унесть прочь пистолеты; но нещастливой, для коего я сама себя подвергала, меня предупредилъ, и опять схватилъ пистолеты, которые я у него хотѣла вырвать. Я уже сама не знала больше, что дѣлала; но щастли-

вымЪ движеніемЪ удержала его руки, сказавЪ: *государь мой! пожалѣй самого себя.* По сихЪ словахЪ упустилЪ онЪ изЪ рукЪ пистолеты, и сложивЪ одну на другую, закричалЪ сЪ жаромЪ: *о Боже мой! не Ангела ли Ты своего ко мнѣ ниспосылаешь?* Я взяла пистолеты, а онЪ ни слова не сказалЪ, и меня не удерживалЪ. Я сошла на низЪ прежде, нежели онЪ очувствовался отЪ своего изступленія. По возвращеніи вЪ горницу, изЪ коей я примѣчала начало сего ужаснаго явленія, бросилась я на стулЪ, вдавшись вЪ прискорбныя чувствія меня удручавшія. Первой предметЪ, что я усмотрѣла поднявши глаза, былЪ нещастливой молодой человѣкЪ, причинившій мнѣ столько тревоги: онЪ стоялЪ у дверей облокотясь на оныя, уставя свои глаза на меня. О! вы, ктобЪ вы ни были, сказалЪ онЪ мнѣ голосомЪ дрожащимЪ, выведите меня, покорнѣйше прошу, изЪ неизвѣстности, вЪ которой нахожусь: что со мною теперь произошло, не сновидѣніе ли это? — Сей вопросЪ меня поразилЪ страннымЪ и вЪ тожЪ самое время сЪ торжественнымЪ возвышеніемЪ произнесеннымЪ голосомЪ. Между тѣмЪ чужестранецЪ искалЪ глазами пистолетовЪ, и казалЪ видЪ, что хотѣлЪ ими овладѣть: нѣтЪ, сказала я

ему, я ихъ тебѣ не отдамъ, и изъ рукъ моихъ никогда ихъ не получишь. И въ какомъ намѣреніи думаете вы ихъ у себя удержать? — Дать тебѣ время размыслить, спасти тебя отъ вѣчнаго нещастія. Вы меня удивляете, отвѣчалъ онъ, глаза и руки на небо поднявъ; вы меня весьма сильно удивляете! Сказавъ сіе, казался погруженнымъ въ глубочайшую задумчивость. Шумъ, услышанной въ низу лѣстницы, далъ знать о приходѣ Брангтоновъ. Сей нещастной возбудился, какъ бы вскочивъ отъ сна, сдѣлалъ колѣнопреклоненіе, взялъ полу моей робы, прижималъ къ своимъ устамъ, и поспѣшно скрылся. Брангтоны пришли почти въ тожъ время, оказали чрезвычайной ужасъ, увидѣвъ пистолеты. Мой видъ возмущенной навелъ на нихъ страхъ, не случилось ли чего плачевнаго. — Закидали меня своими вопросами, и я по возможности удовлетворила ихъ любопытству; но какъ я совсѣмъ не въ силахъ была долго говорить, просила приказать позвать портшезъ и вскорѣ домой возвратилась.

Прежде выхода моего изъ дома, неотступно ихъ просила присматривать за ихъ нещастливымъ жильцомъ, наипаче же тщательно отдалять отъ него все то, что бы могло послужить къ приведенію въ дѣйство

умышляемаго имъ пагубнаго удара. Жребій сего нещастнаго поглощаетъ нынѣ все мое вниманіе. Естьли къ нещастію онъ упорствовать будетъ въ семъ своемъ ужасномъ намѣреніи, съ трудомъ его отъ онаго отвлечь можно будетъ. Почто не могу я во глубину извѣдать свойствъ тѣхъ бѣдствій, коимъ онъ подверженъ! для чего не могу я подать облегченія его страданіямъ! я увѣрена, государь мой, что вы ему даруете ваше соболѣзнованіе. Почто вы не здѣсь? Вы бы вывели его изъ заблужденія его ослѣпляющаго, и влили въ огорченную его душу лучь мира и утѣшенія.



ПИСЬМО XXXIX.

Отъ той же къ нему жъ.

Вчерась Брангтоны обѣдали здѣсь. Разговоръ по большой части обращался о объявленномъ мною вамъ происхожденіи. Г. Брангтонъ изъявилъ свои чувствія въ разсужденіи нещастливаго, бывшаго тому предметомъ, въ израженіяхъ стоющихъ вашего увѣдомленія.

Первое мое намѣреніе, сказалъ онъ, было то, чтобъ немедленно выгнать моего жильца

изъ дому; ибо естьлибъ по нещастію вздумалъ онъ въ домѣ моемъ застрѣлиться, сіе произшествіе причинило бы мнѣ величайшія хлопоты; съ другой стороны естьли я его спущу, потеряю то, что онъ мнѣ долженъ; вмѣсто того, что ежели умретъ у меня въ домѣ, то мнѣ принадлежать будетъ по праву изключительному его имѣніе, и мнѣ по меньшей мѣрѣ довольно достанется въ заплату того, что онъ мнѣ долженъ. Я уже и до того помышлялъ, чтобъ его въ тюрьму отдать; но какой барышь мнѣ изъ того будетъ? онъ никакого ремесла не знаетъ; а хотябъ въ рабочій домъ его отдали, того мало бы было къ заплаченію моего долга. И такъ я принужденъ былъ тихостію съ нимъ поступить, объявивъ ему анамѣдни твердымъ духомъ, чтобъ онъ мнѣ мои деньги заплатилъ; и онъ то до будущей недѣли откладывалъ. Но я ему далъ знать, что я не тотъ, когобъ онъ за носъ могъ водить. Тогда отдалъ онъ мнѣ перстень, которой стоитъ десяти гиней, и сказалъ, что ни за что въ свѣтѣ онъ съ нимъ не разстанется; но я мало смотрю на такія басни, и сихъ бриліянтовъ изъ рукъ не выпущу, пока меня не удовольствуетъ. Кто знаетъ однакожъ, присовокупила къ тому меньшая дочь Брангтонова, какъ ему достался сей перстень? —

безъ сумнѣнія: но что нужды, всегда можно будетъ присвоить его законнымъ образомъ.

Какія правила, любезной мой государь! какой образъ мыслей! и мнѣ должно жить съ такими людьми! Не упоминаю больше вамъ о послѣдовавшихъ разговорахъ, никогда не слышала я рѣчей столь отвратительныхъ. Г. Шмитъ по щастію прервалъ оныя. Этотъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ мнѣ только наскучилъ; онъ насъ проводилъ въ Геймарктской театрѣ, гдѣ съ удовольствіемъ скуку разогнала.

ПИСЬМО XL.

Отъ нее къ нему же.

Я еще послана была вчерась поутру къ Г. Брангтону, вмѣстѣ съ Г. Дюбуа, и намъ поручено было звать ихъ на вечеръ. При входѣ въ лавку увидѣла я моего нещастливаго Шкотландца, сидящаго въ углу съ книгою въ рукахъ. Онъ меня тотчасъ узналъ, что я примѣтила изъ его глазъ. Исполнивши мнѣ препорученное, Г. Брангтонъ отвѣчалъ, что Мисъ Поли у себя вверьху, но что ея братъ и сестра со двора пошли. Я рѣшилась ихъ ждать и сѣла. Иностранецъ уклонилъ голову на книгу, и я примѣтила весьма явственно, что глаза свои на меня

устремилѣ. Г. Дюбуа сталѣ сѣ нами говорить, сколько могѣ по свойски, коверкая Аглинскимѣ нарѣчiемѣ, пока наконецѣ дѣти Брангтоновы домой пришли. Ахѣ! какѣ я устала, вскричала при входѣ дѣвица, и тотчасѣ заняла стулѣ, сѣ коего я вставала ей на встрѣчу. Г. Брангтонѣ, сынѣ, которой также утомленѣ, сдѣлалѣ такое же учтивство Г. Дюбуа; два стула и три подножки составляли весь уборѣ лавки, и для меня ни одного порожняго не оставалось. Г. Брангтонѣ не разсудя за благо себя тревожить, сказалѣ Шкотландцу встать, закричавѣ: эй, Г. Макартней! дай намѣ свой стульчикѣ.

Я была огорчена, и мыслила нѣкоторымѣ образомѣ отомстить за учиненную ему обиду, возвративѣ ему стулѣ имѣ опорожненной. Я благодарила его за учтивство, увѣривѣ его, что лучше люблю стоять; онѣ не смѣлѣ опять сѣсть и почтительной поклонѣ мнѣ отдалѣ, сѣ видомѣ такого человѣка, которой не привыкѣ видѣть кѣ себѣ толь честныхѣ поступковѣ сѣ нимѣ обращающихся. Сей слабой знакѣ учтивости сѣ моей стороны кѣ сему безщастному здѣлался смѣшнымѣ для Брангтоновѣ, и выключая Г. Дюбуа всѣ поднялись тому смѣяться. И такѣ для прекращенiя

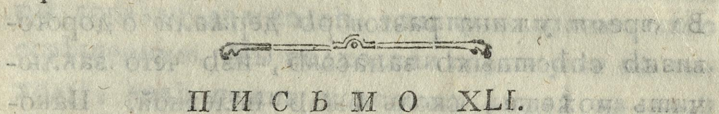
просила я, чтобъ дали отвѣтъ на обсылку Гжи. Дюваль, для того, что мнѣ недосужно. Стали перекоры между молодымъ Брангтономъ и его сестрою, куда намъ лучше ѣхать.

Въ то время пришелъ домой Г. Шмитъ, и проходилъ сквозь лавку не останавливаясь, какъ нечаянно меня примѣтилъ; не преминулъ меня привѣтствовать и спрашивать прiятнымъ образомъ о состоянiи моего здоровья, предъявляя, что естьлибъ могъ напередъ знать о моемъ посѣщенiи, онъ постарался бы скорѣе возвратиться. Они положились на его рѣшимость, куда намъ въ собранiе ѣхать. Онъ меня спросилъ, какое я предпочитаю, и въ тожъ время сказалъ мнѣ на ухо, чтобъ я была увѣрена, что мой выборъ будетъ съ его согласнымъ.

Я извинилась и дала ему чувствовать, что не имѣя никакого понятiя о позорищахъ Лондонскихъ, почему весьма справедливо, чтобъ я ожидала о томъ мнѣнiя отъ людей, знающихъ въ томъ силу лучше меня. Не безъ труда согласились на сiе размышленiе; между тѣмъ стали другъ отъ друга спрашивать мнѣнiя, призвавъ съ верьху внизъ Мисъ Поли. Мисъ Брангтонова подала свой голосъ ѣхать въ Салтеровой кофейной домъ: ея братъ и сестра смотрѣть

Китайскія тѣни, о которомъ наименованіи я даже никогда не слыхала: Г. Брангтонъ, отецъ, къ Садлерскимъ водамъ, а Г. Шмитъ въ Ваксгалъ. Когда каждой свое сказалъ, тогда Г. Шмитъ спросилъ меня, что для меня пріятнѣе будетъ, и какъ Г. Макартней не входилъ въ сіи совѣтованія, я ему хотѣла сдѣлать учтивство и спросила его, не хочетъ ли онъ быть вмѣстѣ съ нами. При сихъ словахъ всѣ громкимъ голосомъ захохотали безмѣрно, и я огорчась симъ поступкомъ, сказала Г. Дюбуа, что ежели онъ со мною не ѣдетъ, то я позову карету и сама одна поѣду. Онъ тотчасъ согласился меня проводить, и не успѣли десять шаговъ отъ дома отъѣхать, Г. Шмитъ къ намъ присоединился, дабы принесть мнѣ свои извиненія, предъявляя, что все произшедшее была одна только *забава*; что ежели я имѣла причину на то жаловаться, онъ на себя беретъ доставить мнѣ удовлетвореніе. Я его просила о томъ не трудиться; но не могла отказаться, чтобъ меня не проводилъ онъ къ Гжѣ. Дюваль, которая весьма сердилась за худой успѣхъ нашихъ переговоровъ. Не много спустя нарочно присланной отъ Брангтоновъ намъ возвѣстилъ, что для прогулки выбрано мѣсто, называемое *Вейтъ-Кондуи*. Сколь-

ко я ни отговаривалась, надобно было вмѣстѣ ѣхать. Предвидѣла, что вечерѣ худо проведу, и ожиданіе мое было весьма исполнено. Я находилась вѣ толпѣ людей буйныхѣ и дурно воспитанныхѣ; однимѣ словомѣ сказать, между чернью народною. Посудите, сколь не удобно мнѣ было! По нещастію людямѣ нашего собранія казалось совершенно хорошо вѣ своихѣ мѣстахѣ.



ПИСЬМО XLI.

Отѣ нее кѣ нему же.

Не взирая на всѣ мои усилія избѣгать сообщенія сѣ Брангтоновою семьею, Гжа. Дюваль требуетѣ, чтобѣ я на всѣхѣ гуляньяхѣ вмѣстѣ сѣ ними ѣздила. Вчерась Г. Шмитѣ предложилѣ ѣхать вѣ Вакcгалѣ, для чего согласились нанять шлюпку. Для меня было нѣчто новое плыть по рѣкѣ Тамизѣ, и признаюсь, что проѣздилась сѣ великимѣ удовольствіемѣ. Г. Шмитѣ привязывался еще за мною волочиться сѣ такою же неотступностію, какѣ и возмечтательностію; онѣ скоро мнѣ наскучилѣ, и я сѣ однимѣ Г. Дюбуа обращалась; онѣ человѣкѣ честныхѣ и почтительныхѣ поступковѣ, и я сугубую пользу отѣ моихѣ сѣ нимѣ разго-

воровъ получаю; я отхожу отъ прочихъ людей сего сообщества, а въ то самое время Гжѣ. Дюваль дѣлаю удовольствіе.

Ужинъ собрали въ одной изъ первыхъ покрытыхъ бесѣдокъ, и мы сѣли за столъ около десяти часовъ: ни одно блюдо не было по ихъ вкусу приготовлено, однакожъ всѣ до послѣдняго дочиста были опорожнены. Во время ужина разговоръ держали о дороговизнѣ съѣстныхъ запасовъ, изъ чего заключить можете, сколь былъ полезной. Наконецъ спросили, сколько платить должно? и мы встали. Дѣвицы Брангтоновы предложили прогуляться въ то время, какъ мущины разочтутся между собою, сколько каждому на его часть платить достанется. Гжа. Дюваль не хотѣла въ многолюдствѣ безъ провожатаго Кавалера подвергаться, отъ чего и я также отказывалась. Безъ сомнѣнія, по той же самой причинѣ, сказала Мисъ Поли, взглянувъ на Г. Шмита съ видомъ нѣчто значущимъ. И единственно для того, чтобъ отнять ласкательное тщеславіе у сего послѣдняго, просила я Гжу. Дюваль позволенія на краткое время ее оставить; что она охотно дозволила, и мы уговорились къ ней пристать опять въ залѣ. Дѣвицы Брангтоновы разговаривали столь

громко и съ такимъ невоздержнымъ хохотомъ, что всѣ стали смотрѣть на насъ. Пойдемте, сказала старшая, въ темную аллею. Я имъ дала почувствовать неблагопристойность сего намѣренія, которая сверьхъ того помѣшаетъ намъ, что во весь вечеръ уже не найдемъ нашихъ сотоварищей. Что я ни говорила, все было напрасно, и потащили меня не-хотя, такъ что зашли мы гораздо далеко въ длинную аллею, мало освѣщенную. Мы подходили почти уже къ выходу, какъ толпа молодыхъ людей на насъ напала. По ихъ поступкамъ, крикамъ и громкимъ смѣхамъ легко было узнать, что они были пьяны; они насъ обступили такъ, что ни взадъ, ни впередъ не могли подвинуться. Дѣвицы Брангтоновы во все горло закричали, и я сильно испужалась: но сіи Господа смѣялись нашему страху; одинъ изъ нихъ схватя меня жестоко за руку, сказалъ, что я прекрасное созданьецо. Я имѣла щастіе вырваться изъ его рукъ, и съ великою поспѣшностію бѣжала къ нашему собранію, мною неблагоразумно оставленному, но не повстрѣчавшись еще съ нимъ, была остановлена другою толпою. Бога ради, господа, закричала я, дайте мнѣ пройти. Выговоря сіе, одинъ изъ нихъ прямо приступилъ ко мнѣ, сказавъ голосомъ удивительнымъ: о

Небо! какой голосъ услышалъ я тамъ? Одной изъ пригожихъ нашихъ актрисъ, отвѣчалъ другой. Нѣтъ, промолвила я: я не актриса; пожалуйте, пустите меня. Клянусь всѣмъ, что ни есть свято, продолжалъ прежній, въ коемъ я узнала Баронета Клемента Виллутбія; это она сама Такъ, Бар. Виллутбій, отвѣчала я; помогите мнѣ, я васъ прошу, умираю со страху. Господа! вскричалъ онъ, отдаливъ отъ меня окружавшихъ, оставьте въ покоѣ сію госпожу, она достойна вашего уваженія. Я подала ему руку, и мы пошли посреди восклицаній его сотоварищевъ.

Сколь скоро мы ихъ съ виду потеряли, Бар. Климентъ съ торопливостію навѣдывался обо мнѣ. Изъ стыда и пониженія я ничего не говорила. Онъ пожималъ у меня руку, присовокупя голосомъ страстнымъ: О! для чего я скорѣе съ тобою не повстрѣчался! — Разсердясь за его своевольство столь мало ожиданное, вырвалась я изъ его рукъ. Государь мой, такъ это даруемое вами мнѣ покровительство? Тогда примѣтила я то, чего не могла такъ скоро въ возмущеніи моемъ познать: онъ меня ввелъ въ другую аллею, столь же темную какъ и первая: Великій Боже! закричала я: гдѣ я? куда вы идете? Въ такое мѣсто, гдѣ

намъ нѣчего свидѣтелей страшиться, и я огорчась, отрекалась за нимъ больше итти. И для чего, мой ангелъ, отвѣчалъ онъ? отъ сердца кровь въ жилахъ билась, и сильно его оттолкнула: смѣешь ты со мною такъ нагло поступать? Нагло! повторилъ онъ. Да, сударь, сіе слово вамъ прилично. Вы меня знаете; и вмѣсто того, чтобъ мнѣ отъ васъ помощи надѣяться, вы осмѣливаетесь дать себѣ . . . вы меня приводите въ смятеніе — развѣ здѣсь мѣсто для Мисъ-Анвили? — Въ сихъ аллеяхъ темныхъ! — безъ провожатыхъ! я съ трудомъ глазамъ моимъ въ томъ могу повѣрить. Я поворотилась отъ него, не удостоивъ его отвѣтомъ, бѣжала поспѣшно къ тому мѣсту сада, гдѣ видѣла свѣтъ и людей. Сперва онъ слѣдовалъ за мною, ни слова не говоря, по томъ началъ рѣчь: такъ вы не хотите мнѣ пояснить сію тайну? Нѣтъ, сударь — ниже дозволить, чтобъ я ее истолковалъ. Я не могла больше здержать сего разговора; плакала горькими слезами. Въ сію минуту бросился онъ къ моимъ ногамъ: о Мисъ Анвиль! прелюбезнѣйшая изъ женщинъ, простите мнѣ; — прошу, простить мнѣ мое забвеніе; одна мысль, что васъ озлобилъ, меня уморитъ: — что мнѣ нужды, толькобъ мнѣ отыскать моихъ

друзей; будьте увѣрены, что никогда уже больше васЪ не увижу, и что вЪ послѣдній разЪ сЪ вами говорила. — Что же я сказалЪ, что же я сдѣлалЪ, дражайшая моя госпожа, чѣмЪ бы могЪ вашЪ гнѣвЪ на себя подвигнуть? — ВЪ какую же крайность, думаете вы, я приведена? Вы пользуетесь отсутствіемЪ моихЪ друзей, для того, чтобЪ мною наругаться? — АхЪ! можете ли мнить обо мнѣ, чтобЪ я былЪ способенЪ поступить на такую подлость! Я нахожу васЪ вЪ такомЪ состояніи, которое даетЪ мнѣ поводЪ удивляться; я прошу у васЪ одного слова обЪяснить, и вы столь жестоки, что мнѣ вЪ томЪ отказываете. — Вы поступили вЪ томЪ такимЪ образомЪ, что только васЪ вЪ презрѣніе приводитЪ — Презрѣніе! и сіе чувствіе я вселяю вЪ МисЪ Анвиль? — Это одно, которое вы заслуживаете. — ЭхЪ! когда при томЪ вы, дорогая моя пріятельница, вѣдаете, что я только для васЪ живу, что никто васЪ не обожаетЪ столь страстно, столь нѣжно, какЪ я; и вамЪ это любо меня столько смущать и мучить такимЪ образомЪ? — Вы ошибаетесь, сударь, ваше смущеніе и мученіе суть ничто иное, какЪ одно воображеніе; они могутЪ *меня огорчить*, но я далеко отЪ того, чтобЪ

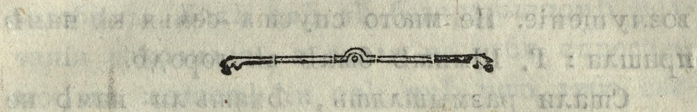
вЪ нихЪ *удовольствіе принимать.* — АхЪ! толикая гордость можетЪ ли соединена быть сЪ толикою кротостію? Я ничего уже больше не отвѣчала, и продолжала итти скоро, чтобЪ выйти изЪ алеи. Бар. КлементЪ слѣдуя близко за мною, схватилЪ меня за руку, и просилЪ меня наисильнѣйше ему простить.

Когда я возвратилась вЪ залЪ, и уже ничего не оставалось опасаться для моего обезпеченія, тогда безпокойство мое обратилось кЪ дѣвицамЪ БрангтоновымЪ, мною оставленнымЪ вЪ видимой опасности. Сіе размышленіе превозмогло надЪ всѣми прочими суетливостями; и я вознамѣрилась наискорѣйше сыскать наше собраніе. ТотчасЪ усмотрѣла я Гжу. Дюваль и ея провожатыхЪ КавалеровЪ: Бар. КлементЪ остолбенѣлЪ, видя меня вЪ такомЪ сообщеніи. Навѣдывались у меня немедленно о дѣвицахЪ БрангтоновыхЪ, и я призналась, что имѣла нещастіе ихЪ потерять вЪ большой алеи, гдѣ сЪ нами поступлено ругательски. Г. БрангтонЪ мнѣ выговаривалЪ вЪ израженіяхЪ, грубости наполненныхЪ, за безуміе нами учиненное. Я просила его сына бѣжать на помощь кЪ своимЪ сестрамЪ, на что онЪ согласился не прежде, какЪ по повтореннымЪ

приказаніямЪ своего отца, вмѣстѣ сЪ нимЪ пошедшаго. Поклонясь ГжѢ. Дюваль, Бар. КлементЪ началЪ опять свой разговорЪ со мною: такЪ вы, сударыня, не сЪ Мирванами? — НѣтЪ, сударь. — КакЪ я нещастливЪ! хотѣлЪ ѣхать вЪ ТовардЪ-Гроу, и писалЪ уже кЪ Капитану: но не долго тамЪ пробуду. Останетесь ли еще нѣсколько времени вЪ городѣ? — Не думаю. — Можно ли знать, куда вы послѣ поѣдете? — Донынѣ еще не извѣстно. — Не возвратитесь ли опять кЪ МирванамЪ? — Право не знаю.

ЧтобЪ избавиться продолженія сей пытки, начала я рѣчь сЪ Гжею. Дюваль, и предуспѣла такимЪ образомЪ заставить Бар. Клемента молчать. Скоро по томЪ Г. БрангтонЪ привелЪ свою меньшую дочь, которую избавилЪ изЪ рукЪ толпы безпутныхЪ молодыхЪ людей; старшая пришла по томЪ вмѣстѣ сЪ своимЪ братомЪ, сЪ которою не лучше поступлено. Мы поѣхали напослѣдокЪ, а Бар. КлементЪ хотѣлЪ неотмѣнно насЪ проводить. Сказать можно, какЪ будто бы онЪ на себя долЪ возложилЪ умножить мое смятеніе, оказавЪ свое удивленіе, вЪ какую часть города насЪ привезли.

Какой прискорбной и непріятной вечерѣ! Встрѣча Баронета Клемента, его разговоры и поступки вамѣ не покажутся, равно какѣ и мнѣ: почту притомѣ себя щастливою, естьли могу уговорить Гжу. Дюваль отказаться отѣ всѣхѣ его посѣщеній



ПИСЬМО XLII.

Отѣ нея кѣ нему же.

Три дни прошли, государь мой, кои проводимѣ мы вѣ спокойствіи и уединеніи. Вакстаѣлѣ отвратилѣ Гжу. Дюваль отѣ публичныхѣ собраній; и какѣ она ни мало не можетѣ долго оставаться у себя, то и рѣшилась сего утра разогнать *свою скуку* гдѣ-либо прогуляться. Мы поѣхали кѣ Брангтонамѣ, чтобѣ ихѣ сѣ собою взять, а отѣ нихѣ вѣ садѣ Марибонской отправились.

Вѣ дорогѣ засталѣ насѣ великой дождь, и казалось, что весь вечерѣ продолжаться будетѣ. Возвратясь вѣ Сноу-Гиль, опять усмотрѣла я Г. Макартнея вѣ лавкѣ сидящаго, сѣ книгой вѣ рукахѣ, вѣ томѣ же углу, вѣ коемѣ прежде его видѣла. Онѣ казался гораздо печальнѣе и унывнѣе, неже-

ли когда либо прежде; однако же примѣтила я, что съ прiѣзда нашего сталъ нѣсколько веселѣе. Случилось нечаянно, что я первая ему поклонилась; онъ всталъ и откланялся мнѣ съ такою скоропоспѣшностiю, которая означала его удивленiе и возмущенiе. Не много спустя семья къ намъ пришла: Г. Шмитъ былъ въ городѣ.

Стали размышлять, ѣхать ли намъ не смотря на дурную погоду. Г. Брангтонъ намъ совѣтовалъ еще взять терпѣнiе, и въ ожиданiи пойти въ верхнiе покои. Сiе предложенiе было принято, и я уже была готова тому послѣдовать, когда примѣтила, что Г. Макартней закрывши свою книгу, на меня смотрѣлъ съ особливымъ вниманiемъ. Я подумала, что онъ желалъ со мною поговорить; и чтобъ подать ему способъ, возвратилась назадъ, послѣ какъ всѣ изъ лавки вышли; надѣялась, что симъ моимъ поступкомъ онъ ободрится къ изъясненiю, но оной прибавилъ только ему болѣе замѣшательства: ходилъ по горницѣ большими шагами съ воздыханiемъ; наконецъ бросился въ старыя креслы, тамъ нечаянно случившiяся.

Я весьма тужила видя его въ такомъ отчаянiи, и хотѣла его оставить. Онъ призвалъ меня къ себѣ: Государыня моя! ради

Бога, сказалЪ онЪ мнѢ, и замолчалЪ; и я, сколько можно было, старалась не показать ему моего собственнаго смущенія. Ласкалась, что онЪ открываться будетЪ, и уже хотѢла ему предложить мой кошелекЪ сЪ деньгами, естьлибЪ не боялась его тѢмЪ озлобить. КакЪ онЪ вЪ безпрерывномЪ молчаніи находился, я взяла на себя спросить его, не желаетЪ ли онЪ мнѢ что либо сказать? — ТакЪ, желалЪ, но силЪ кЪ тому не имѢю. ВЪ другой разЪ, статься можетЪ, когда вы поспокойнѢе будете. — Другой разЪ! перехватилЪ онЪ сЪ жалобнымЪ голосомЪ: ахЪ! будущее не представляетЪ мнѢ ничего больше, какЪ бѢдность и отчаяніе. — О! сударь, не попускайте себя вЪ мучительныя воображенія. Естьли вы такЪ сами о себѢ отчаяваетесь, то какЪ могу я — АхЪ! государыня моя, кто вы? откуда пріѢхали вы? какимЪ нечаяннымЪ случаемЪ, кажется, сдѢлались вы рѢшительницею жребія нещастнаго, какЪ я? — Даруй Боже, чтобЪ я возмогла вамЪ быть полезною! — Вы можете. — Скажите мнѢ, какимЪ образомЪ? — Быть такЪ, сударыня, вы то узнаете. Смерть была для меня одинЪ остававшійся способЪ, вы у меня ее исхитили, и я пріобрѢлЪ право ко испрошенію вашего пособія. — Окончите сударь,

скоро сверьху придутЪ, и не остается больше времяни вамЪ терять — ТакЪ, милостивая государыня моя, можете ли вы.... хотите ли вы? . . . Но я вЪ томЪ не сумнѣваюсь. О Боже! силы не имѣю ей сказать.

Взявши мой кошелекЪ, подошла кЪ нему: государь мой, ежели дѣйствительно могу я вамЪ служить, то можете ли отказать мнѣ сіе удовлетвореніе? Позволите ли мнѣ. . . . — АхЪ! милостивая государыня, вашЪ гласЪ пронзаетЪ человѣчество; давно уже, БогЪ тому свидѣтель, я его больше не познаваю.

ВЪ то самое время услышала я голосЪ молодаго Брангтона, которой меня звалЪ. СимЪ предлогомЪ пользуясь, оставила я его; да будетЪ Всевышній самЪ вашЪ укрѣпитель и утѣшитель! сказала я; и уроня кошелекЪ, скорѣе на лѣстницу пошла.

По довольно извѣданнымЪ мною вашимЪ, любезной мой государь, добродѣтелямЪ, не думаю, чтобЪ я могла опасаться вашего осужденія за сіе благое дѣло; я сЪ радостію однакожЪ хочу вамЪ сказать, что могу обойтись безЪ новыхЪ денежныхЪ вспомоществованій, не имѣя ни вЪ чемЪ никакой нужды тратиться; а наипаче притомЪ разсуждая, что скоро вЪ ГовардЪ-Гроу воз-

вращусь. Говорю, скоро! и забываю, что едва только двѣ недѣли еще прошли медлительнаго мѣсяца, въ теченіи котораго я здѣсь осуждена на тоску и томленія.

Брангтонова семья много на щетъ мой забавлялась, что съ глазу на глазъ съ *глупымъ Шкотландцомъ* говорила (такъ его называютъ); но я была весьма тронута соболѣзнованіемъ, по той причинѣ не внимала ихъ посмѣяний. По щастію ѣзда въ Марибонъ на другой день отложена была, и мы весьма рано домой возвратились.

Я оставила Гжу. Дюваль съ ея вѣрнымъ товарищемъ Г. Дюбуа, и уединилась въ мою горницу для разглагольствованія съ вами, лучшимъ моимъ въ свѣтѣ другомъ. Вотъ, государь мой, день препровожденной съ сердечнымъ удовольствіемъ; споспѣшествовала къ облегченію, сколько отъ меня зависѣло, нещастнаго: да будетъ хвала Всевышнему! уповаю, что симъ малымъ вспомоществованіемъ бѣдной Г. Макартней заплатить въ состояніи будетъ должное своимъ немилосердымъ хозяевамъ.



ПИСЬМО XLIII.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Мнѣ тебя осуждать, моя любезная Евелина, когда столь прекрасно свой долгъ исполняешь! Нѣтъ, мое дитя, я далеко отъ того; дѣйствіе человѣколюбія, тобою описываемаго, дѣлаетъ похвалу твоему сердцу, и я стыдился признавать тебя за мою дщерь, естьлибъ не такъ была чувствительна. Между тѣмъ несправедливо, чтобъ ты пострадала за твое щедролюбіе: посылаю при семъ къ тебѣ ассигнацію въ знакъ желанія моего для поддержанія твоихъ благихъ намѣреній.

О! любезная моя Евелина, естьлибъ мое имущество равнялось съ твоею склонностію къ благотвореніямъ, съ какою бы радостію посвятилъ оное къ облегченію твоими руками, честнаго человѣка въ оскудѣніи! Но да не сокрушаемся о преградахъ, намъ предписываемыхъ нашимъ имуществомъ. Довлѣетъ, чтобъ наши благотворенія были соразмѣрны нашимъ достаткамъ: разнствіе больше или меньше не можетъ быть великой тягости въ равновѣсіи правосудія.

Разсуждая по тому, что ты пишешь о нещастливомъ чужестранномъ, въ коемъ столь великодушное участіе принимаешь, я по-

чти заключить хочу, что состоянiе его происходитъ паче отъ неблагоповеденiя, нежели отъ настоящаго злоключенiя. Ежели и дѣйствительно онъ столько бѣденъ, какъ Брангтоны объ немъ думаютъ, онъ долженъ бы стараться поправить состоянiе свое трудолюбивою дѣятельностiю, вмѣсто того чтобъ терять свое время чтенiемъ книгъ въ лавкѣ своего мздоимника. Явленiе пистолетовъ привело меня въ трепетъ; я удивлялся твоей смѣлости, и хвалами превознесъ. Будь всегда столь неустрашима, когда дѣло идетъ до вспомоществованiя въ бѣдахъ: никогда не утущай гласа природы робостiю или рвенiемъ совѣсти. Правда, тихость и скромность сутъ по праву вашему полу принадлежащи, но въ потребныхъ обстоятельствахъ смѣлость и твердодушiе не меньшiя добродѣтели честь оному дѣлающiя. Мы всѣ тому же правилу въ поступкахъ подвержены слѣдовать; но не всѣ обладаемъ равными силами; существенное есть то, чтобъ дѣлать въ нашей силѣ возможное, тогда мы чужды нареканiй.

Между тѣмъ есть нѣчто весьма сокровенное во всемъ томъ, что ты ни видѣла ни слышала о семъ человѣкѣ, что мнѣ не дозволяетъ судить худо о его сложенiи, которое притомъ мнѣ не довольно извѣстно.

Надобно всегда стараться толковать въ добрую сторону сумнительные случаи; сіе наставленіе основано на связи сообщества и на законахъ человѣколюбія. Должно также равномѣрно примѣчать, моя любезная Евелина, чтобъ твои изысканія въ разсужденіи сего иностранца были въ своихъ предѣлахъ; не скромнобъ было весьма далеко ихъ распространять.

Не могу тебѣ изобразить все мое негодованіе о поступкѣ Бар. Клемента Виллубія; нахальство и гнусныя подозрѣнія, кои онъ осмѣлился принять о твоей добродѣтели, огорчили меня до такой жестокости, которой страсти мои изможденныя казалось не могли больше въ себя принимать. Надлежитъ совершенно пресѣчь всю связь съ нимъ; благонравіе твое польстило его донынѣ совершеннымъ послабленіемъ наказанія; но поступокъ его даетъ тебѣ власть, даже требуетъ твоего восчувствованія; не отлагай входъ ему къ себѣ запретить.

Я вижу, что Брангтоны не въ состояніи снискать тебѣ время съ пріятностію провождать. О! любезная моя, потерпи немного! въ самой день истеченія сего мѣсяца пришлю я къ тебѣ Гжу. Клинтонъ въ Лондонъ, привести тебя въ Говардъ-Гроу; уповаю, что пребываніе твое у Гжи. Мир-

ваны не долго продлится, ибо я нахожусь въ великой нетерпѣливости видѣть тебя и облобызать въ добромъ здоровьѣ.

ПИСЬМО XLIV.

Отъ Евелины къ Г. Виллapсу.

Я получила теперь, государь мой, вами милостиво ко мнѣ присланной подарокъ, купно съ письмомъ столь паче еще милостивѣйшимъ, оной сопровождающимъ. Никогда сирота не была меньше сожалѣнія достойна, какъ ваша Евелина; лишенная съ юныхъ лѣтъ двухъ первыхъ утѣшений жизни, имѣла ли я когда-либо причину оплакивать мои потери? Сія нѣжная любовь, милованія и тѣ отеческія попеченія о дѣтяхъ прилагаемыя, былиль когда либо въ нерадѣніи обо мнѣ оставлены? Ахъ! почто не сіе только одно было для меня поводомъ къ соболѣзнованію о рождшихъ меня? Пріемлю, милостивой государь мой, съ чувствительностію великодушной знакъ вашего одобренія; и потщусь употреблять оной такимъ образомъ, которой бы не недостоинъ былъ довѣренности, вами мнѣ оказываемой.

Ваши сомнѣнія о Г. Макартнеѣ меня нѣсколько смущаютъ. Не видится, чтобъ онъ былъ изъ числа въ нещастіе чрезъ свою погрѣшность впадшихъ; но прежде, нежели Лондонъ оставлю, уповаю лучше узнать причину его точнаго положенія, и когда получу достовѣрнѣйшія доказательства о достоинствѣ имъ въ меня вперенномъ, пріиму смѣлость препоручить его въ ваши милости.

Со всею готовостію моею рѣшилась я прервать, сколько отъ моей возможности зависѣть будетъ, всю связь и сношеніе мое съ Бар. Клементомъ Виллугбіемъ; но властна ли я, государь мой, *запретить ему входъ въ домъ*? Мисъ-Мирвана пишетъ ко мнѣ, что онъ въ Говардъ-Гроу пріѣхалъ; что его пріѣздомъ веселія въ замкѣ водворились, и что Капитанъ всегдашнимъ его пріятелемъ пребываетъ. Что до меня касается, я спокойно провела время послѣ отправленія послѣдняго моего къ вамъ письма. Великой насморкъ принудилъ Гжу. Дюваль не выходить изъ горницы, и дурная погода воспрепятствовала мнѣ видѣться съ Брангтоновою семьею. Сынъ раза два или три насъ посѣщалъ; онъ мало говоритъ, не оказывая почти ни малѣйшаго вниманія къ Гжѣ. Дюваль, а на меня безпрестанно смотритъ оскаливши зубы.

Иногда ко мнѣ подходитъ съ такимъ видомъ, будто нѣчто тайное открыть хочетъ, по томъ вдругъ останавливается и въ глаза смѣется. О! какіе это люди! съ какою радостію увижу щастливую минуту пріѣзда нашей доброй Гжи. Клинтоны!

ПИСЬМО XLV.

Продолженіе письма.

Г. Макартней прислалъ ко мнѣ любопытства достойное письмо, которое при семъ включаю, будучи удостовѣрена, что вы, любезной мой государь, читать его будете съ удовольствіемъ. Я имѣю причину, больше нежели когда либо радоваться о томъ, что я къ пользѣ сего иностраннаго сдѣлала.

Отъ Г. Макартнея къ Мисъ-Анвилѣ.

Милостивая Государыня!

Позвольте безщастному, вами избавленному отъ пропасти погибельной, изъявить вамъ свою благодарность. Да возмогу дерзновенно принесть вамъ мою всенижайшую преданность, и испросить у васъ прощенія за страхъ причиненной.

Съ такою милостію принявъ участіе въ моемъ состояніи, я имѣю причину надѣяться, что можетъ быть вы, милостивая государыня, не поставите во гнѣвъ, когда увѣдомлю васъ о побудительныхъ причинахъ, подвигшихъ меня на отчаянное пораженіе присутствіемъ вашимъ отвращенное, сказать даже могу, почти чудодѣйствіемъ. Долженъ вамъ разсказать мои нещастія; но какъ подробности мною предначинаемыя могутъ открыть важныя тайности, я васъ покорнѣйше прошу принять ихъ какъ священныя, не смотря на предосторожность мною огражденную въ томъ, что никого не именовалъ.

Я родился въ Шкотландіи, гдѣ воспитанъ стараніемъ моей матери, урожденной Агличанки, и которая не имѣла сродственниковъ въ моемъ отечествѣ. Она меня, яко зѣницу ока любила, и часто сказывала, что жизнь наша уединенная и удаленіе отъ ея родныхъ происходили отъ непреоборимой задумчивости, въ которую повержена была лишеніемъ моего отца, скоропостижно скончавшагося не за долго предъ моимъ рожденіемъ.

Въ наукахъ обращался я въ Аберденѣ, гдѣ сопрягъ дружбу съ однимъ молодымъ человѣкомъ весьма богатымъ: связь, кото-

рую почиталъ я за первое щастіе въ моей жизни, сдѣлалась для меня источникомъ печалей. Другъ мой, окончивши свои науки, предпріялъ путешествія. Судьба опредѣлила мнѣ быть въ духовномъ званіи, и я не имѣлъ другаго пропитанія, какъ что могъ только пріобрѣсть по своимъ дарованіямъ, не осмѣлился даже подумать предпріять его сопровождать. Правда, онъ платилъ бы за меня издержки съ удовольствіемъ; но подобное разпоряженіе никакъ съ моими правилами не сходствовало; я весьма привязанъ былъ къ дружбѣ, слѣдовательно не могъ достоинство ея понизить мздоимными одолженіями.

Чрезъ два года имѣли мы переписку безпрерывную, въ которой другъ другу повѣряли всѣ свои тайны. Мой другъ окончивъ свои путешествія писалъ ко мнѣ изъ Ліона, что онъ находится на обратномъ своемъ пути въ Англію, и усильно меня просилъ пріѣхать къ нему въ Парижъ, гдѣ располагался пробыть нѣсколько времяни. Желаніе увидѣться съ нимъ паки послѣ столь долговремяннаго отсутствія убѣдило меня просить на то соизволенія моей матери, на которое мое требованіе она благосклонно согласилась, снабдивъ меня на проѣздъ нужными издержками. Минута мо-

его съ симъ другомъ свиданія была для меня наищастливѣйшая въ жизни моей. Онъ познакомилъ меня съ разными фамиліями; и шесть недѣль мною опредѣленныя къ моему отсутствію прошли непримѣтно. Однакожъ долженъ я признаться, что не одно общество моего друга составляло мое благополучіе; я познакомился съ дочерью одного знатнаго Агличанина, и вступилъ съ нею въ обязательства, въ коихъ далъ ей клятву тысячекратными увѣреніями о вѣчномъ союзѣ. Она лишь изъ монастыря взята, въ которой была отдана весьма молода; и хотя въ Англіи рождена, но ничего не разумѣла по Аглински. Ея образъ и свойства были обоюдно пріятны; но что больше всего мнѣ ея несказанно дражайшею учиняло, было ея великодушіе, съ коимъ отреклась въ мою пользу отъ наилучшихъ предложеній.

Когда время отъѣзда моего приближилось, ужасная мысль разлуки съ предметомъ моей нѣжной любви сокрушала меня денно и ночно; не имѣлъ смѣлости увѣдомить ея отца о нашей связи. Онъ по справедливости могъ ласкаться пристроить свою дочь съ выгодою, и не преминулъ бы съ презрѣніемъ отвергнуть предложеніе руки моей. Я сохранилъ свободно входъ въ домъ; моя любезная обладательница была поручена въ

руководство старой надзирательницы, которую я предуспѣлъ привести на мою сторону. Однажды отецъ ея пришелъ въ ея покои послѣ обѣда, когда мы никакъ его не ожидали; и съ той самой минуты постигла меня бѣдность, безпрестанно угнетающая. По видимому подслушалъ онъ наши разговоры, ибо вбѣжалъ въ горницу какъ бѣшеной. Устыдясь моихъ тайныхъ заговоровъ, удостовѣренный о моей винности, надлежало мнѣ на себѣ перенесть ругательнѣйшіе выговоры. Наконецъ однакожъ его вспыльчивость вскружила мою нетерпѣливость. Не съ старымъ человѣкомъ имѣлъ я дѣло, но съ такимъ, которой во всей силѣ лѣтъ и способенъ противъ меня устоять. Тщетно дочь его испрашивала у него милосердія, всуе старался я укротить гнѣвъ мой къ его успокоенію; онъ не преставалъ выговаривать; моя персона, мое отечество не избѣжали гнуснаго наименованія срама и поношенія. Я не могъ больше удержать моего бѣшенства; мы дрались и я его опасно поранилъ. Не возможно было скрыть сіе приключеніе. Я убѣжалъ, и открылся въ томъ моему другу. Около полуночи надзирательница пришла мнѣ сказать, что господинъ ея еще живъ, и что обморокъ ея молодой госпожи не имѣлъ никакихъ послѣд-

ствій. Мое удаленіе учинилось весьма нужнымЪ; надзирательница обѣщала моего друга увѣдомлять, вЪ какую сторону сіе прискорбное дѣло обратиться можетЪ. ВЪ сихЪ обстоятельствахЪ выѣхалЪ я изЪ Парижа и возвратился вЪ Шкотландію. Я бы предпочелЪ остановиться вЪ дорогѣ, дабы удобнѣе получать могЪ извѣстія столь для меня нужныя: но худое состояніе моихЪ доходовЪ лишило меня сего удовольствія. Мое плачевное состояніе не скрылось отЪ проницанія моей матери. Я ей разсказалЪ вЪ точность все произшедшее. Она внимала сЪ примѣтнымЪ движеніемЪ; наименовалЪ ей лицы, и ужасЪ ея умножался: напослѣдокЪ, когда я оканчивалЪ нещастнымЪ кровопролитіемЪ, когда ей сказалЪ, что повергЪ моего противника, она возопила, ахЪ! мой сынЪ, ты убилЪ своего отца; и вЪ самое то время упала безЪ чувствЪ кЪ моимЪ ногамЪ. Не могу приступить, милостивая государыня! кЪ окончанію сего жестокаго изображенія; сердце, вашему подобное, избавитЪ меня свободно отЪ столь тяжкаго предпріятія. КакЪ скоро моя мать пришла вЪ чувство, она мнѣ разсказала такія происхожденія, которыя надѣялась навсегда закрыть непроницаемою завѣсою. Увы! не смертію лишилась она моего отца. — Будучи

съ нею сопряженъ одними обязательствами честности, онъ ее покинулъ. — Наше пребываніе въ Шкотландіи не дѣйствіемъ избранія моей матери было. — Она туда сослана родными по справедливости огорченными.

Я палъ подъ бременемъ моея бѣдности, и цѣлую недѣлю проводилъ въ безпрестанномъ бреду. Моя мать была еще больше сожалѣнія достойна, нежели я; не знала укротить своего огорченія, безпрестанно укоряя себя тою опасностію, которой ея неумѣренное укрывательство меня подвергло. Послѣ великихъ усилій я пришелъ паки въ нѣсколько спокойное положеніе. Увѣдомился я, что не совершилъ ужаса отцеубійства; что отецъ мой въ живыхъ остался; что сколь скоро его выздоровленіе совершится, намѣренъ онъ поѣхать въ Англію и отвезть нещастную мою сестру для порученія одной ея теткѣ. Я принялъ намѣреніе ѣхать немедленно на встрѣчу къ нимъ въ Лондонъ, открыть раздраженному отцу тайну сего ужаснаго приключенія, и чрезъ то увѣрить его, что не остается уже ему ничего больше страшиться о пагубномъ выборѣ его дочери. Моя мать похвалила сіе намѣреніе, и я путь мой направилъ такимъ образомъ, чтобъ мнѣ дешевлѣе обошелся. Я остановился кварти-

рою въ глухомъ переулкѣ, которой вы, Милостивая государыня, видѣть случай имѣли, и вступилъ на хозяйское содержаніе. Тутъ - то я мучился во ожиданіи моихъ *родныхъ*; но въ надеждѣ моей обманулся, и понялъ, что оставя такъ скоропостижно Шкотландію, сдѣлалъ я новую глупость. Мой отецъ впалъ паки въ болѣзнь, послѣ выздоровленія отъ нанесенной ему раны, и по истеченіи шести недѣль увѣдомился я чрезъ письмо отъ моего друга, что отъѣздъ отсроченъ былъ на нѣкоторое время. Мои достатки почти истощены были, и я принужденнымъ нашелся, противъ воли моей, прибѣгнуть еще къ моей матери, прося ее вспомоществовать мнѣ возвратиться въ Шкотландію. Увы! отвѣтъ на оборотъ ко мнѣ присланной не ея рукою уже былъ писанъ. Одна Госпожа, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшая ея подругою, написала мнѣ, что мы имѣли нещастіе съ нею на вѣкъ разстаться.

Вы легко повѣрите, какое впечатлѣніе въ сердцѣ моемъ произвели толико совокупленныя надъ главою моею злоключенія.

Госпожа, о коей теперь рѣчь идетъ, прислала ко мнѣ письмо, писанное матерію моею во время ея болѣзни, къ одной изъ нашей ближней родни; въ ономъ описывала она мое состояніе съ нѣжностію подлинно

материнскою, и просила оную употребить свои благосклонныя старанія къ исходатайствованію мнѣ мѣста. Но я столько изсякъ подъ игомъ моихъ злощастій, что протекло около двухъ недѣль, ниже подумалъ отнести письмо по надписи, къ чему напослѣдокъ нужда моя меня принудила. Снабдилъ себя траурнымъ платьемъ, чтобъ съ пристойностію показаться, и шелъ отыскать моего родственника, какъ увѣдомился я, что онъ живетъ въ деревни.

Въ семъ отчаянномъ состояніи моя гордость, дотолѣ противъ злоключеній борющаяся, стала уклоняться, и я рѣшился молить друга моего о присылкѣ помощи, поелику онъ тысячу кратъ представлялъ мнѣ свои услуги, кои я всегда отвергалъ; да и въ горестномъ моемъ состояніи ожидалъ еще цѣлую недѣлю, прежде нежели могъ рѣшиться отослать къ нему письмо. Напослѣдокъ истощившись до послѣдней копѣйки, тревожимъ наигрубѣйшимъ образомъ моими хозяевами, умирая почти съ голоду, я запечаталъ мое письмо и пошелъ отдать его на почту. Но Г. Брангтонъ и его сынъ обступили меня въ лавкѣ; обругали безчестно и грозили тюрьмою, естьли тотчасъ имъ не заплачу Ихъ жестокосердіе пронзило мнѣ сердце; просилъ ихъ по-

временить до утра, и я оставилъ ихъ въ отягченіи, кое трудно описать. Тогда размышлялъ я, что письмо мое придетъ уже гораздо поздо для избавленія моего отъ поношенія мнѣ угрожаемаго; разодралъ его, и съ трудомъ могъ я преодолѣть себя къ пробавленію одною минутою моего плачевнаго бытія.

Въ безпорядкѣ моего ума принялъ я ужасное намѣреніе, въ промыслъ вступить по большимъ дорогамъ шатающихся разбойниковъ; возвратился домой приготовляться ко исполненію сего намѣренія; собралъ свое бѣлье, безъ коего мнѣ крайне обойтись можно было, его распродалъ, и купилъ пару пистолетовъ, пороху и пулей. Моего намѣренія не было употреблять сіи орудія противъ проѣзжихъ, на коихъ я намѣревалъ нападать, но только помощію оныхъ хотѣлъ имъ страхи задавать; или же себя застрѣлить, избѣгая безчестнаго наказанія, въ случаѣ естьлибъ имѣлъ нещастіе быть пойманъ. Я хотѣлъ достать потребную сумму денегъ для заплаченія Г. Брангтону и возвращенія въ Шкотландію: послѣ чего ласкался я провѣдать чрезъ народныя вѣдомости объ ограбленныхъ мною и возвратить имъ то, чтобы я отъ нихъ похитить могъ.

Не будучи способенъ сдѣлать подлость, взиралъ я съ трепетомъ на исполненіе сего предпріятія; едва могъ на ногахъ устоять, когда домой пришелъ: Брангтоны не примѣтили моего возмущенія.

Что въ послѣдствіи сдѣлалось, вы, Милостивая государыня, лучше знаете, нежели я. Но могу ли я по вѣкъ мой забыть ту минуту, въ которую, когда я принимался за сіи орудія, опредѣленныя къ похищенію имѣнія другихъ, или къ умерщвленію самаго себя, вы стремительно вбѣжали въ мою горницу для удержанія моей руки? Вы мнѣ казались Ангеломъ, съ небесъ снисшедшимъ! мое разстройство, и естьли мнѣ позволено къ тому присовокупить, блистательная красота вашего образа докончили мечту совершенно.

Теперь, Государыня моя, исполнивъ долгъ, коимъ я предъ вами обязаннымъ нахожусь, остается мнѣ другой, которой вознаградитъ мнѣ то, что первой труднаго въ себѣ заключаетъ; то есть васъ возблагодарить, сколько возможность моя мнѣ дозволяетъ, за ваше великодушное благодѣяніе; будьте увѣрены, что сдѣлаю оному доброе употребленіе. Вы открыли свѣтъ въ очахъ моихъ; признаю ложную горделивость, до

нынѣ мною управлявшую; до какой крайности оною я доведенъ былъ? Я пренебрегалъ вспомоществованіе друга, тогда какъ намѣревался прибѣгнуть къ безчестнымъ способамъ исторгнуть оное отъ невѣдомаго человѣка, въ опасеніи, подвергнуть чрезъ то его въ столь же бѣдственное состояніе, какъ и мое собственное; да и въ самую минуту, когда вы мнѣ представили ваши благотворенія, какому жестокому сраженію не былъ я подверженъ, прежде нежели могъ приступить къ принятію онаго?

Я вручилъ Г. Брангтону бриліантовой перстень, отъ моей матери полученной, въ залогъ суммы мною ему должной. Сей заемъ, съ толикимъ благоволеніемъ мнѣ учиненной, будетъ достаточенъ для моего содержанія, до тѣхъ поръ, пока я получу отвѣтъ отъ моего друга, къ которому я теперь писалъ. Родитель мой, здѣсь мною ожидаемой, не можетъ при томъ возвращеніемъ своимъ долго замедлить. Но я поставляю себя предъ вами въ долгѣ гораздо больше важномъ, и коего я никогда не буду въ состояніи заплатить. Чрезъ васъ возвратилъ я употребленіе моего разсудка; и хотябъ я въ нѣдрахъ нещастія безпрерывно погруженъ былъ, по крайней мѣрѣ, такъ какъ человѣкъ, оныя сносить буду. Ахъ! вѣчное мое

благодареніе слабо къ заплаченію толикой услужности!

Имѣю честь быть и пр. и пр.

І. Макартней.



ПИСЬМО XLVI.

Отъ неяжъ къ нему же.

Я хочу вамъ сообщить, любезной мой государь, нѣкое приключеніе, которое меня во всю прошедшую ночь занимало; и я весьма рано встала, дабы къ вамъ о томъ писать. Положено было вчерашняго дня, чтобъ намъ ѣхать прогуляться въ Марибонскомъ саду, гдѣ Г. Торре, славной иностранецъ, дастъ публикѣ фейерверкъ. Мы первыя пріѣхали. Г. Брангтонъ объявилъ, что онъ хотѣлъ видѣть его на щетъ своихъ денегъ, и убытки наградить лучше сколько можно иждивеніемъ столь суетнымъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидала, когда музыка заиграетъ; намъ сказали, что оркестръ уже готовъ начать; нѣкто, называемой Г. Бартелемонъ, игралъ концертъ на скрипкѣ съ такимъ искусствомъ, какъ и вкусомъ. Потѣха приведена была къ начатію, и мы торопились впередъ занять лучшія мѣста; но многолюдство было столь велико, что Г. Шмитъ намъ совѣтовалъ вы-

просить лавку и на оной стоять, которую дѣйствительно намъ уступили, и наши провожатыя насъ однихъ оставили, обѣщая возвратиться къ намъ послѣ окончанія.

Потѣха была прекрасная, представляющая Исторію Орфея и Евредисы; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ по нещастливому случаю сіи два любовника опять разлучились, взорвало такъ сильно, что мы всѣ съ лавки сошли нѣсколько шаговъ назадъ. Множество искръ насъ окружавшихъ привело насъ въ страхъ, чтобъ не случилось какого либо приключенія. По нещастію я нѣсколько подалѣе отступила, такъ что осталась одна въ многолюдствѣ, и бѣгала по всѣмъ сторонамъ, не зная куда пристать. Каждой минуты подходилъ ко мнѣ какой либо срамецъ, которой бралъ на себя власть, видя меня торопливую, вступать въ любовные и насмѣшливые разговоры. Я бросилась подъ защиту двухъ госпожъ, прося ихъ принять меня въ свое покровительство. Онѣ меня приняли, надсѣвшись смѣхами. Поди, отвѣчали онѣ мнѣ, и приняли меня подъ руки. Но недолго было, сударь, что я узнала, въ какія руки попалась; безпрерывные хохоты сихъ женщинъ, ихъ разговоры, поведенія, все мнѣ доказывало, что мнѣ отъ нихъ ожидать нечего больще, какъ ругательствъ

и безчестія. Посудите, какое было мое состояніе!

Я высматривала удобнаго времяни, какъ бы мнѣ отъ нихъ уйтить. Но какое было смятеніе, когда усмотрѣла Милорда Орвиля къ намъ идущаго! не могу вамъ изобразить всего мною почувствованнаго; хотябъ имѣла я нещастіе опуститься въ столь низкое состояніе, о коемъ подавали о себѣ подозрѣніе мои подруги, то и тогда не больше бы чувствовала я стыда. По щастію Лордъ прошелъ мимо, не обращаясь къ намъ. Однакожъ примѣтила я, что онъ взглянулъ на насъ.

Нѣсколько минутъ спустя, услышала я, къ великому моему удовольствію, голосъ Г. Брангтона; слава Богу! вскричала я, вотъ кто-то изъ нашихъ, и тотчасъ подошла, взявъ его подъ руку. Поблагодарила тѣхъ двухъ женщинъ за ихъ вѣжливость, и дала имъ чувствовать, что уже больше ихъ не обезпокою. Въ то самое время встрѣтилась я съ Гжею Дюваль и дѣвицами Брангтоновыми, кои всѣ любопытствовали знать, куда я дѣвалась: я имъ обѣщала, что о томъ въ другое время поговоримъ. Мнѣ нужно было удалить отъ себя сихъ двухъ женщинъ, которыя безпрестанно прислушивали нескромнымъ образомъ наши раз-

товоры, даже смѣлость взяли предложить съ нами пріобщиться: никто отъ нихъ не отказывался, а я ничего не смѣла сказать, и такъ принуждена была согласиться опять вступить въ ихъ общество. Какъ будто бы все шло на то, чтобъ меня въ смятеніе привесть, нечаянно повстрѣчались мы опять съ Лордомъ Орвилемъ. — Сей разъ онъ меня усмотрѣлъ. — Присутствіе его было для меня громовымъ ударомъ; я не имѣла смѣлости ему въ лицо глядѣть; онъ подошелъ, и мы всѣ остановились. Онъ благосклонно мнѣ поклонился, и на меня смотрѣлъ такимъ видомъ, которой изъявлялъ довольно его удивленіе: однакожъ изъ глазъ его примѣчала я нѣкоторое якобы въ состояніи моемъ принимаемое *участіе*, и сія мысль одна была тѣмъ утѣшеніемъ, которое я въ семъ непріятномъ вечерѣ имѣла. Я не помню, что Милордъ Орвиль мнѣ сказалъ, отъ великаго возмущенія не внимала его рѣчей; все, что знаю, пребывала я въ молчаніи, и что послѣ краткой остановки онъ меня оставилъ.

Я не въ силахъ, государь мой, описать вамъ мною тогда претерпѣнное. Просила Гжу. Дюваль держать меня особо отъ прочаго нашего общества, и позволить, чтобъ я одна при ней осталась. Лордъ еще не

подалеку отъ насъ находился, и безъ сомнѣнія сей поступокъ отъ него безъ примѣчанія не остался; онъ къ намъ возвратился. Сія ласковость меня довольною частію вознаградила въ нанесенныхъ мнѣ непріятностяхъ, доказавъ мнѣ въ человѣкѣ свойствъ скромныхъ и тихихъ Орвилевыхъ, что мое смятеніе дѣлало ему нѣкоторое безпокойствіе; по м ншей мѣрѣ такимъ образомъ я толковала его къ намъ возвращеніе.

Онъ передо мною въ томъ извинялся съ такою учтивостію, которой я уже съ давняго времени ни отъ кого не видывала. Навѣдывался о здоровьѣ Гжи Мирваны и всей фамиліи. Ласкательное заключеніе, кое я поводомъ сего себѣ сдѣлала, меня ободрило, и я свободнымъ духомъ на то ему отвѣчала. Нашъ разговоръ скоро прерванъ былъ громкимъ и непристойнымъ смѣхомъ съ стороны дѣвицъ Брангтоновыхъ, отъ чего я краснѣла; Милордъ Орвиль взглянулъ на нихъ видомъ огорченія исполненнымъ, и больше ничего не сказалъ.

Гжа Дюваль, которую всякая наружность столь легко обмануть можетъ, почла дотолѣ сихъ двухъ къ намъ присовокупившихся женщинъ за Госпожъ; однакожъ стала не довѣрять, и разсудила за

благо взять ложу, ожидая, пока Г. Брангтонъ туда придетъ. Сіи дерзкія женщины съ нами вошли, и Милордъ Орвиль пожелалъ мнѣ добраго вечера съ видомъ важнымъ мнѣ сердце мое пронзившимъ. Я не имѣла силы ему отвѣчать; но естьли хотя мало черты лица моего согласовались съ моими чувствами, оныя долженствовали изъявлять впечатлѣніе глубокой задумчивости. Я имѣю причину думать, что онъ то примѣтилъ; ибо съ пріятностію примолвилъ: Ежели Мисъ Анвилѣ благоугодно будетъ дать мнѣ знать о мѣстѣ ея жительствованія, я просить буду позволенія отдать ей мой поклонъ прежде отъѣзда моего изъ Лондона, что я и исполнила; онъ мнѣ учтиво поклонясь, удалился./

Что долженъ онъ думать о семъ приключеніи? Всѣ видимости еще противъ меня быть воображаются. Съ малымъ кой-какъ присутствіемъ разума могла бы я тотчасъ ему объяснить всю тайну; призналась бы ему, какою странною нечаянностію я находилась въ семъ мерзкомъ сообществѣ: — но я никогда не знаю, что дѣлаю.

Сіи двѣ злощастныя, безпокоившія меня весь вечеръ, были безпрестанно намъ въ тягость. Мы не прежде освободились отъ нихъ, какъ приходомъ Г. Брангтона, которой

по своимъ привѣтливымъ поступкамъ скоро ихъ выгналъ, и мы не медля по томъ поѣхали.

Какіябъ ни были гаданія Милорда Орвиля, не могутъ инако, какъ мнѣ во вредъ обратиться. Найтить меня съ женщинами такого рода, какой стыдъ! Донынѣ я всегда съ тщеславіемъ желала, чтобъ онъ меня не видѣлъ съ Брангтоновою семьею и Гжею. Дюваль; а теперь щастливою бы себя почитала, чтобъ не казалась на его глаза въ гораздо хуждшемъ обществѣ. — Присовокупитежъ къ тому еще пребываніе моего жительства; какое стеченіе прискорбныхъ обстоятельствъ! Но не хочу больше васъ отягощать моими уничтожительными размышленіями, въ умѣ моемъ скопищемъ представляющимися. Статься можетъ, пріѣдетъ онъ меня посѣтить по его объявленію, и тогда непремѣнно воспользуюсь симъ случаемъ пояснить ему все то, что мое приключеніе въ себѣ непріятнаго заключаетъ. Я теперь больше еще противъ прежняго подкрѣплена въ томъ превосходномъ мнѣніи, кое я всегда о его честности и нѣжности имѣла. Какая разнота въ поступкахъ его съ Бар. Клементомъ Виллугбіемъ! онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ столько же причины, какъ и сей, заключить обо мнѣ худое мнѣніе; однакожъ

съ какою предосторожностiю поступилъ онъ со мною?

Во всѣхъ моихъ обращенiяхъ колеблющагося щастiя полагаю, государь мой, за сладчайшее утѣшенiе быть удостовѣренною, что ваша нѣжная любовь и покровительство при мнѣ всегда остаются. Ахъ! естьлибъ черты пера моего могли изобразить силу моихъ къ вамъ чувствiй, съ какимъ жаромъ не изъяснилабъ я моей посвященной преданности и благодаренiя!



ПИСЬМО XLVII.

Продолженiе письма.

Надмѣру превозможенная скукою и огорченiемъ, и будучи крайне неспособна никакою работою заниматься, по окончанiи вчерашняго моего письма, не могла я ничего лучше для себя избрать, какъ въ окно смотрѣть; тутъ я спокойно ожидала той минуты, когда Гжѣ. Дюваль угодно будетъ позвать меня къ себѣ завтракать, какъ вдругъ показавшийся великолѣпной екипажъ вывелъ меня изъ моего суетнаго забвенiя; въ то самое время узрѣла я Милорда Орвиля изъ кареты высматривавшаго, и

тотчасъ отъ окна отошла; но какъ думаю не безъ того, чтобъ не была имъ примѣчена, по крайней мѣрѣ карета подъѣхала къ нашему дому.

Я весьма не въ духѣ была; — мысль принять наединѣ Лорда Орвиля — удостовѣренiе, что для свиданiя только со мной онъ прiѣхалъ — мое желанiе объяснить ему нещастливое вчерашнее приключенiе — смертельная досада, причиняемая мнѣ настоящимъ моимъ положенiемъ — всѣ сiи размышленiя вдругъ разуму моему представились, и весьма худо меня прiуготовили къ прибывшему моему посѣщенiю.

Я ожидала, что Лордъ прежде о прiѣздѣ своемъ дастъ знать; но служанка, не привыкшая къ чинамъ, прибѣжала мнѣ сказать, что внизу прiѣхалъ знатной господинъ, коего имя не вспомнитъ, и хочетъ со мною видѣться: а между тѣмъ и самъ Милордъ вступилъ въ мою горницу.

Я приняла Лорда весьма не прилично; роль, которую я предъ нимъ играть долженствовала, не была ни столь легка, ни блистательна. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей сказалъ онъ мнѣ: я нахожу себя щастливымъ, что засталъ Мисъ Анвиль у себя дома; и что мнѣ еще гораздо прiятнѣе, что могу съ нею говорить безъ свидѣ-

телей. Я ему низкой поклонъ сдѣлала; тогда говорилъ онъ мнѣ о Гжѣ. Мирванѣ, о моемъ пребываніи въ Лондонѣ, и о нѣкоихъ другихъ неважныхъ матеріяхъ, кои по щастію дали мнѣ время исправиться; послѣ чего началъ онъ свой разговоръ.

Я не знаю, сказалъ онъ, какъ оправдать вольность, съ которою хочу съ вами говорить; — но, сударыня, я полагаюсь единственно на вашу благость; оная извинитъ меня предъ вами лучше, нежели я самъ. — На что ему отвѣчала наклоненіемъ — крайне сожалѣю признаннымъ быть нескромнымъ, однакожъ самъ на то иду. — Вы нескромнымъ! нѣтъ, Милордъ, вещь невозможная. — Ваша пощада, сударыня, вселяетъ въ меня духъ бодрости, и хочу изъясниться безъ обиновенія. Онъ опять остановился; и я была весьма внимательна, по тому не думала рѣчь его перебивать; напослѣдокъ устремя глаза внизъ, и голосомъ томнымъ и дрожащимъ сказалъ мнѣ: тѣ госпожи, съ которыми я васъ вчерась видѣлъ, знавали ли вы ихъ уже прежде, и находились ли вы когда либо въ ихъ обществѣ? — Нѣтъ, Милордъ, я ихъ видѣла въ первой и въ послѣдній разъ. — Онъ примолвилъ голосомъ весьма благосклоннымъ: простите мнѣ, сударыня, въ томъ, что

мой вопросъ можетъ имѣть въ себѣ нѣчто весьма нескладное; но я не зналъ инако, какъ привесть сію материю; я не могу лучшаго извиненія къ тому предположить, какъ мое почтеніе къ Гжѣ. Мирванѣ, и искреннее участіе мною принимаемое въ вашемъ собственномъ благополучіи. Не взирая на то, можетъ быть я далеко поступилъ. — Я весьма чувствительна, Милордъ, чести мнѣ отдаваемой; но — позвольте мнѣ, сударыня, васъ увѣрить, что сложеніе свойствъ моихъ не попускаетъ мнѣ брать на себя давать совѣты. Я бы не отважился поступить къ вашей неблагоугодности, естьлибъ не былъ удостовѣренъ о расположеніи вашихъ добрыхъ мыслей, чтобъ огорчаться безъ причины. — Нѣтъ, Милордъ, я не почитаю себя огорченною, но сокрушаюсь находя себя въ нещастливомъ состояніи, понуждающемъ меня взять прибѣжище къ изъясненіямъ сколь много труднымъ, столь и унизительнымъ. — Сударыня, на меня должны обратиться всѣ ваши печали, естьли я ихъ вамъ причинить могъ; я не искалъ объясненій, поелику не имѣлъ никакого сомнѣнія. Мисъ Анвиль меня не вразумѣла, и она сама себя обижаетъ; позвольте себѣ сказать съ открытымъ сердцемъ, въ какомъ намѣреніи я сюда пріѣхалъ.

Признаюсь безъ труда, что я преужасно удивился, когда повстрѣчался съ вами вчерась вмѣстѣ съ сими двумя женщинами, кои вѣрно недостойны чести быть съ вами. Не легко было мнѣ отгадать, какимъ случаемъ вы попались въ такъ худое общество; однакожъ не смотря на мою неизвѣстность, я не полагалъ въ мысли моей ни малѣйшаго объ васъ предосужденія; былъ увѣренъ, что вы никакого созерцанія не имѣли о свойствѣ сихъ женщинъ; раздѣлялъ сокрушеніе, кое бы вы имѣли, естьлибъ ихъ лучше познали. Между тѣмъ я бы не осмѣлился вамъ о томъ говорить съ такою вольностію, не вступалъ бы въ рѣчи самимъ собою о предметѣ столь нѣжномъ, естьлибъ не зналъ, что легковѣрность обыкновенно сопутствуетъ съ невинностію; опасался, чтобъ васъ не обманули. Нѣкое предчувствованіе, коего сопротивленію не въ моей власти было устоять, понуждало меня васъ увѣдомить себя предостеречь; но не простилъ бы себѣ принятой мною смѣлости, естьлибъ нещастіе имѣлъ причинить вамъ трудъ.

Гордость моя первымъ его вопросомъ впеденная уступила мѣсто кротчайшему движенію; и будучи пронзенная признательностію, я разсказала ему прямодушно, какимъ обра-

зомѣ попалась я сѣ сими двумя злощастными женщинами. Онѣ слушалѣ мое повѣствованіе сѣ благопріятнымѣ вниманіемѣ, подавалѣ видѣ принимаемаго толикаго участія, и благодарилѣ меня вѣ израженіяхѣ столь вѣжливыхѣ, за такѣ имѣ называемое мое снисхожденіе, что я стыдилась глазами моими на него взглянуть.

Скоро по томѣ служанка пришла мнѣ сказать, что Гжа. Дюваль завтракать меня кѣ себѣ ожидаетѣ. Лордѣ тотчасѣ всталѣ, сказавѣ: я опасаюсь, что мое посѣщеніе долговремянно было; но ктобѣ могѣ быть вѣ моемѣ мѣстѣ меньше скромнымѣ? По томѣ взявѣ мою руку, и прижавѣ кѣ своимѣ устамѣ, примолвилѣ: „Мисѣ Анвиль позволитѣ ли мнѣ такѣ запечатлѣть мой мирѣ?„ и вышелѣ.

Великодушный Милордѣ Орвиль! какой безкорыстный поступокѣ! какая нѣжность вѣ его обращеніяхѣ! онѣ ищетѣ подавать мнѣ полезные совѣты, и вѣ тожѣ самое время боится уязвить мою чувствительность! — По семѣ, должно ли мнѣ еще сожалѣть о приключившемся вѣ Марибонѣ, поелику то доставило мнѣ столь пріятное посѣщеніе? Былабѣ я тысячу кратѣ больше еще унижена, хотябѣ претерпѣла смятенія гораздо еще сильнѣйшія; толикой знакѣ почтенія (ибо смѣю такѣ назвать) сѣ сто-

роны Милорда Орвиля довлѣлъ бы вознаградить всѣ мои мученія.

Во время завтрака Гжа. Дюваль спросила меня: имѣю ли я намѣреніе за мужъ выттти, и присовокупила, что Г. Брангтонъ предложилъ ей супружество сына своего со мною. Удивясь и огорчась за такое открытіе, я увѣряла Гжу. Дюваль, что ежели Г. Брангтонъ и въ правду обо мнѣ помышляетъ, тѣмъ только онъ время свое теряетъ. Я сама имѣла другіе виды въ разсужденіи тебя, сказала она, и въ томъ самомъ намѣреніи надѣялась отвезти тебя въ Парижъ; и какъ сіе предпріятіе находитъ въ пути толико затруднительствъ, то мнѣ кажется не можетъ быть ничего лучше, какъ вступить въ сей союзъ. Вы какъ тотъ, такъ и другая мои ближнія, вамъ оставлю въ наслѣдство мое имущество, и такимъ способомъ васъ обѣихъ пристрою.

Я ее покорно просила не слѣдовать такому начертанію, которое несовмѣстно съ моими мыслями, поелику молодой Брангтонъ въ глазахъ моихъ весьма посмѣянія достойнымъ находится: но она отъ своего не отставала, не внимая ни малѣйше мною предполагаемому, и повелительнымъ голосомъ настояла, не отщетить его надежды, сказывая мнѣ, что не надобно ни принимать,

ни отвергать его предложенія, пока она увидитЪ, что для меня она сдѣлать можетЪ.

Другая причина неудовольствія мнѣ навлечена со стороны Г. Дюбуа, которой кЪ крайнему моему удивленію воспользовался по полудни тѣмЪ времянемЪ, когда Гжа. Дюваль отлучилась, ткнуть мнѣ вЪ руку записку содержащую обЪявленіе любви; вЪ оной пишетЪ онЪ, что никогда не возмечталЪ бы онЪ сдѣлать мнѣ сіе признаніе, естьлибЪ не увѣдомился отЪ Гжи. Дюваль, что она назначиваетЪ руку мою молодому Брангтону, какЪ такой союзЪ, коего помышленіе кажется ему нестерпимо. ПроситЪ меня извинить его дерзновеніе, и тысячу увѣреній о его ненарушимомЪ высокопочитаніи предЪявляетЪ, оставляя рѣшеніе его судьбы на время и на мое великодушіе.

ПоступокЪ Г. Дюбуа дѣлаетЪ мнѣ прямое неудовольствіе; я имѣла обЪ немЪ столь хорошія мысли! впрочемЪ не трудно мнѣ будетЪ его отдалить. Гжа. Дюваль ничего не узнаетЪ о его запискѣ; она не весьма бы оною довольна была, какЪ я думаю.

ПИСЬМО XLVIII.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Я дорого заплатила за мгновенное щастіе моего краткаго утренняго посѣщенія! Брангтоны предложили вчерась ѣхать въ садъ Кензингтонской, куда меня противъ воли моей повезли, какъ-то всегда со мною случается. Молодой Брангтонъ чрезвычайно наскучилъ и такъ сказать безпрестанно по моимъ пятамъ за мною слѣдовалъ: холодность моя и принятой видъ предохранности предуспѣли однакожъ содержать его въ почтеніи, и не было рѣчи о той матеріи, къ которой Гжа. Дюваль меня пріуготовила. Но когда отдалилась я нѣсколько шаговъ отъ прочихъ нашего собранія, онъ одинъ разъ только вздумалъ меня спросить, не говорила ли мнѣ что либо его тетка. На что я ничего не отвѣчала, и дѣло при томъ осталось. Г. Шмитъ не былъ въ семъ обществѣ съ нами: а бѣдной Г. Дюбуа видя меня отъ себя уклоняющуюся, казался мнѣ весьма опечаленнымъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи усмотрѣла я Милорда Орвиля, прогуливающагося съ нѣкоторыми госпожами, и я укрылась за Мисъ Брангтонъ; не хотѣлабъ я, чтобъ онъ меня опять увидѣлъ въ публичномъ мѣстѣ съ такими людьми, гдѣ

я себя нѣсколько пониженною почитала. Между тѣмъ дождь пошелъ, и мы скоро изъ саду выѣхали. Мы принуждены были войти въ одну гостинницу для убѣжанія отъ дождя: тамъ увидѣли мы двухъ лакеевъ, коихъ ливрея мнѣ примѣтна показалась; и дѣйствительно принадлежали они Милорду Орвилю. Мнѣ разсудилось кстати просить Мисъ Брангтону не называть меня тогда моимъ имянемъ, а она жестоко убѣждала меня сказать ей причину; я не могла обойтись, чтобъ не объявить ей, что я знакома Лорду Орвилю Сіе признаніе навело другія изъяненія; и Мисъ Брангтонъ сдѣлала столько своими докуками, что я подробно ей разсказала, какимъ образомъ познакомилась съ симъ знатнымъ человѣкомъ. Лишь только я удовлетворила ея нескромнымъ вопросамъ, какъ позвала она свою сестру: вообрази себѣ пожалуй Поли, сказала она Мисъ танцовала съ Лордомъ. Ахъ! вскричала сія, ктобъ это подумалъ? Чтожъ онъ тебѣ Мисъ, сказывалъ? Ихъ болтанье услышала Гжа. Дюваль, такъ какъ и всѣхъ прочихъ изъ нашихъ вниманіе на себя обратило, и стали разсказывать другъ другу мое повѣствованіе.

Молодой Брангтонъ сказалъ, что на моемъ мѣстѣ онъ бы воспользовался экипажемъ Лордовымъ приказать отвезть меня въ городъ. Сія

мысль весьма мнѣ понравилась, отвѣчала Гжа. Дюваль, и тутъ я не вижу никакого затрудненія. Позовемъ кучера. Ни за что въ свѣтѣ, отвѣчала я, невозможное дѣло. Вотъ тебѣ на! видно, другъ мой, что ты ни мало сообразиться не знаешь, какъ въ свѣтѣ поступать должно; смотри, какъ я сдѣлаю. По томъ подошедши къ одному изъ лакеевъ, прошу васъ, государь мой, приказать подъѣхать кучеру, я имѣю нѣчто ему сказать. Лакей смотрѣлъ на нее, и съ мѣста не сдвинулся. Бога ради, сударыня, сказала я ей, сдѣлайте милость, отстаньте отъ сего намѣренія; Милордъ Орвиль не довольно мнѣ знакомъ, чтобъ можно мнѣ на себя взять сію смѣлость. Молчи, глупенькая; и ежели сей слуга не хочетъ позвать кучера, я сама къ нему пойду. Служитель ей въ глаза насмѣялся, и Гжа. Дюваль вышедъ, дала знакъ кучеру подъѣхать, что онъ дѣйствительно и учинилъ. Онъ ее спросилъ, Милордъ далъ ли ей позволеніе ѣхать въ его каретѣ? Нужды нѣтъ! отвѣчала она ему, столь честной знатной баринъ лучше разсудитъ намъ ее ссудить, нежели видѣть, чтобъ мы насквозь до костей промокли: однакожъ, увидите, что вамъ будетъ, когда вашъ господинъ узнаетъ ваши невѣжливости; сія

молодая дѣвица его весьма знаетъ. Слуги поступили довольно грубо, и угрозы, что жалобу принесутъ Милорду, ихъ нѣсколько устрашили; одинъ изъ нихъ предложилъ, чтобъ доложить о томъ его господину. Сія мысль скоро одобрена, и я сколько напротивъ того ни предъявляла, но госпожа Дюваль меня никакъ не внимала, и приказала лакею сбнестись моимъ именемъ съ Милордомъ Орвилемъ. Скажи ему, что Мисъ Анвиль проситъ у него кареты отвезти въ Голбурнъ.

Слуга скоро назадъ пришелъ, и донесъ, что его господинъ мнѣ поклонъ посылаетъ, и увѣряетъ меня, что карета его состоитъ совершенно въ моемъ разположеніи. Я съ чувствительностію приняла сію учтивость; но воспоминаніе безразсуднаго поступка, къ тому поводъ подавшаго, меня гораздо больше занимало. Гжа. Дюваль и дѣвицы Брангтоновы съ торопливостію вскочили въ карету, и мнѣ должно было повиноваться съ ними ѣхать. Пріѣхавши домой, Брангтоны требовали еще, чтобъ кучеръ отвезъ ихъ въ Сноу-тиль; а служители ставъ поучтивѣе, тотчасъ послушались; и я пошла въ свою горницу.

Я провела ночь весьма безпокойно. Не успѣла лишь возстановить себя въ разумѣ Милорда Орвиля, вотъ уже и еще новое

произшествіе, которое все перегадило, что будетъ онъ думать?

Но это еще не все: другое явленіе хуже сего должна была я перенести; о чемъ хочу вамъ отчетъ дать.

Сего утра посѣтилъ меня молодой Брангтонъ, которой вошедши съ важнымъ видомъ, и приступя гордо ко мнѣ, сказалъ: мнѣ поручилъ, Мисъ, вамъ поклонъ отдать Милордъ Орвиль. — Милордъ Орвиль? перехватила я съ великимъ удивленіемъ. — Да, онъ самъ. Теперь я съ нимъ познакомился; сія особа наилюбезнѣйшая, сколько я когда либо видѣлъ изъ знатныхъ господъ. — Что это значитъ? растолкуйте мнѣ. — Надобно вамъ знать, Мисъ, что вчерась съ нами сдѣлалось небольшое приключеніе, которое однакожъ теперь уже меня не безпокоитъ, поелику миновалось. На встрѣчу намъ попалась въ сосѣдствѣ квартала Сноу-гиль телѣга, и пафъ! нелегкое нанеси ее на карету, зацѣпила за колесо, хвать! какъ ни тутъ-то было, въ дребезги изломала. Къ пущей бѣдѣ стекло у кареты было поднято, а мнѣ то, провалъ! не въ догадъ; сунулся опрометью отворить дверцы, и бросился съ размаху всей головой прямо въ стекло, отъ чего, какъ и видишь, шишку добрую на лбѣ себѣ досталъ. Мой батюшко, опасаясь гнѣва Милордова, посылалъ ме-

ня сегодня по утру принесть ему наше извиненіе. Я узналъ отъ его слугъ, гдѣ онъ жительствомъ пребываетъ, и былъ у него на площадкѣ Баркелейской. Прекрасной домъ! я оробѣлъ, какъ показаться передъ знатною особою; и напередъ выучилъ умнехонькое привѣтствіе: сіи слуги не хотѣли обо мнѣ доложить, сказавъ, что ихъ господину недосужно. Я уже было назадъ поворотился, но вдругъ пришелъ мнѣ въ голову одинъ способъ, которой удивительно удался. Я имъ сказалъ, что отъ васъ присланъ. — Отъ меня? и кто вамъ въ томъ позволеніе далъ? — Эхъ! Боже мой! не гнѣвайся Мисъ, ты будешь довольна, когда узнаешь, что все на ладъ съ рукъ сошло. Меня къ нему тотчасъ ввели; и я долженъ былъ итти сквозь цѣлой строй служителей, и переходъ покоевъ безъ конца. Худо что-то мнѣ на сердцѣ повѣщалось отъ всей сей громости, и я ожидалъ, что найду весьма гордаго хозяина въ домѣ, съ которымъ мнѣ говорить должно будетъ: но онъ не гордѣе меня, поступалъ со мною какъ съ своимъ равнымъ. И такъ я его просилъ о прощеніи въ приключившемся. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это бездѣлица, о которой больше не думаетъ; что онъ только надѣется, что вы благополучно домой возвратились,

и что вы не испугались отъ сего приключенія. Я его увѣрилъ, что вамъ не случилось ничего вреднаго, и что вы мнѣ поручили принесть ему отъ васъ поклонъ. — Но кто васъ объ томъ просилъ? — Ахъ! все это я самъ своею собственною головою сдѣлалъ, чтобъ тѣмъ больше его удостовѣрить, что я отъ васъ присланъ былъ. Но мнѣ бы должно начать вамъ сказать, что люди Милордовы разсказывали мнѣ, что онъ располагается много кое чего закупить для свадьбы своей сестры, тогда видя его столь благосклоннымъ, я вздумалъ представить ему свои услуги. Мы себя рекомендуемъ, Милордъ, сказалъ я ему, въ случаѣ, естьли вы еще никому слова не дали; мой отецъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и онъ за щастіе почитать будетъ, естьли вамъ угодно удостоить его къ исправленію вашей работы. Мисъ Анвиль, какъ наша двоюродная сестра, вамъ будетъ за то одолжена.

Ты меня изъ терпѣнія выводишь, вскричала я, вскочивъ со стула, сдѣлавъ мнѣ кровную обиду, и я ничего больше не хочу слышать; и тотчасъ вышла въ свою горницу. Я была какъ бѣшеная, и нѣкоего рода въ бреду; почитала себя погибшею безъ всякаго искупленія въ разумѣ Лордовомъ; зрѣла себя навсегда предметомъ

его презрѣнія. Сія мысль вонзала кинжалъ въ грудь мою; не могла оную снести; я. . . но стыжусь продолжать, государь мой, я себя подвергаю вашему нареканію; и однакожъ не мыслилабъ я, что заслужила въ томъ выговоры, естьлибъ не чувствовала нѣкоторое тайное сопротивленіе признаться вамъ въ принятомъ мною поступкѣ. Сіе одно безпокойствіе заставляетъ меня опасаться въ упущеніи моей должности. Я уже сдѣлала довѣренность Мисъ Мирванѣ; простите ли вы мнѣ сіе преступленіе? Простите ли вы мнѣ мною предпринятое намѣреніе, чтобъ вамъ о томъ совсѣмъ ничего не писать? Но скоро по томъ признаніе съ собой самой я учинила, что чрезъ такой поступокъ учинюсь виновницею моей предъ вами неблагодарности; пусть же лучше я отважусь заслужить ваше осужденіе, нежели васъ обмануть. Въ первомъ движеніи моей скоропоспѣшности послала я письмо къ Милорду Орвилю. Простите его, государь мой, слово отъ слова при семъ переписанное.

Милордъ!

Я нахожусь въ величайшемъ смятеніи въ разсужденіи вчерашней обсылки къ вамъ моимъ имянемъ, и долгъ имѣю оправдаться предъ вами въ нескромности,

которая подастъ вамъ право меня обвинять. Все происходило безъ моего вѣдома. Карета у васъ выпрошена безъ моего согласія, и въ оной я не находилась тогда, какъ была повреждена; также ни малаго поводу я не подала присылкѣ къ вамъ того докучателя, которой былъ сего утра у вашихъ дверей.

Безмѣрно сожалѣю о нанесенной вамъ заботѣ. Но я васъ, Милордъ, удостовѣряю, что въ семъ дѣлѣ я ни чуть ничѣмъ. Пребываю,

Милордъ,

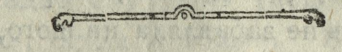
Вамъ всепокорнѣйшая ко услугамъ

Евелина Анвиль.

Я поручила служанкѣ приказать отнести сію записку по надписѣ у площадки Баркелейской; но послѣ раздумавшись, сошла на низъ опять къ себѣ взять, какъ услышала голосъ Баронета Клемента Виллуибія, спрашивавшаго, чтобъ со мною поговорить. Но по приказанію Гжи. Дюваль всѣмъ обо мнѣ отказывали; между тѣмъ времянемъ служанка отдала уже записку разсыльщику, а сей ушелъ прежде, нежели я отдосужилась отмѣнить мое исправленіе.

Посыланной пришелъ назадъ обратно, объявляя мнѣ, что Милорда Орвиля дома не засталъ. — Кто знаетъ, будетъ ли онъ

мнѣ отвѣчать? — Можетъ быть пріѣдетъ онъ со мною увидѣться. — Можетъ быть также дѣло тѣмъ и кончится; между тѣмъ сія неизвѣстность на меня скуку наводитъ.



ПИСЬМО XLIX.

Отъ неяжъ къ нему.

Теперь можете вы, любезной мой Государь, прислать ко мнѣ Гжу. Клинтонъ въ совершенной достовѣрности; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: ничто не препятствуетъ больше моему отъѣзду изъ Лондона; можетъ быть щастливѣе была бы я, естьлибъ никогда въ него не вѣзжала.

Гжа. Дюваль посылала меня сего утра въ Сноу-гиль, позвать Брангтоновыхъ и Г. Шмита вечеръ проводить у нее. Она просила Г. Дюбуа, которой завтракалъ у насъ, проводить меня къ нимъ; я приняла сіе препорученіе противъ моей воли; ибо очень мало меня трогало то, что я одна находиться буду съ Г. Дюбуа, и столь же совершенно мало повстрѣчаться съ молодымъ Брангтономъ. Другая причина гораздо сильнѣе того возбуждала мое отвращеніе: надѣялась получить отвѣтъ отъ Милорда Орвиля, даже ласкалась его посѣщеніемъ:

однакожъ должна была повиноваться приказаніямъ Гжи. Дюваля: кто бы осмѣлился противъ ея воли итти?

Бѣдной Г. Дюбуа ниже рта не открывалъ во всю дорогу, и думаю, что сія прогулка насъ ни чуть не забавляла ни того, ни другую. Всѣхъ домашнихъ застали мы въ лавкѣ, Молодой Брангтонъ сѣлъ мнѣ тотчасъ на шею; онъ столь громко хохоталъ, и на меня пристально смотрѣлъ съ такимъ безобразіемъ, что я, дабы отвязаться отъ него, принуждена была поспѣшить исправленіемъ моего дѣла. Г. Шмитъ отказался; прочіе обѣщали пріѣхать, и я откланялась. Не успѣвъ отъѣхать десять шаговъ отъ дома, молодой сынъ за мною бѣжалъ: я притворилась, будто его не примѣчала; а чтобъ съ столь большею пристойностію отъ него укрыться, начала я рѣчь съ Г. Дюбуа, которой по нещастію въ лѣво принялъ сіе мое малое къ нему уваженіе.

Пріѣхавши домой, вручили мнѣ двѣ визитныя карточки, отъ Милорда Орвиля и Бар. Клемента. О семъ послѣднемъ я мало забочусь; но несказанно сожалѣю, что упустила посѣщеніе Лорда: первое дѣло было то, чтобъ какъ можно скорѣе въ горницу мою войтить, а молодой Брангтонъ заблагоразсудилъ назадъ возвратиться, ска-

завЪ Г. Дюбуа, что я кажусь ему сегодня весьма гордою, и что лучше онЪ здѣлаетЪ, чтобЪ меня вЪ покоѣ оставить; желательнобЪ было, чтобЪ и Г. Дюбуа то же учинилЪ; но угодно ему было гнаться за мною вЪ столовую, куда я вошла. НачалЪ рѣчь тѣмЪ: и такЪ, сударыня, вы не любите сего малаго? — Я имЪ гнушаюсь: присутствіе его для меня оскорбительно. — АхЪ! вы мнѣ жизнь возвращаете, всхлипнулЪ онЪ, бросясь кЪ моимЪ ногамЪ.

ВЪ ту самую минуту Гжа. Дюваль вошла вЪ залЪ; онЪ поправился, какЪ можно скоро, вЪ стыдѣ и смятеніи отЪ сего приключенія. Но какЪ изобразить вамЪ бѣшенство Гжи. Дюваль? Казалось, что ея выговоры напряжены были ревностію: Г. Дюбуа защищался слабо и безупорно; а Гжа. Дюваль согнавЪ его сЪ своихЪ глазЪ, и онЪ благоразумно уступилЪ ей мѣсто баталіи. Мнѣ самой горькая чаша отЪ нея досталась; не щадя словЪ, называла меня *обольстительницею*, *неблагодарною*, и *коварною дѣвкою*. Дала мнѣ знать, что меня сЪ собою вЪ ПарижЪ не возметЪ, и что совсѣмЪ отказывается обо мнѣ стараться, инако какЪ развѣ я соглашусь вытти за молодаго Брангтона. КакЪ ни устрашена была я гнѣвомЪ Гжи. Дюваль, одна-

кожъ сіе послѣднее предложеніе возвратило мнѣ всю мою бодрость. Безъ всѣхъ обиновеній сказала я ей, что касается до сего предмета, то я навсегда отнимаю къ ней мое повиновеніе. Сей отзывъ послужилъ только къ столь пущему ея ко мнѣ огорченію, и она прогнала меня отъ себя прочь.

Вотъ въ какомъ состояніи нахожусь я нынѣча, я не увижу сего дня по полудни Брангтонову семью, и желаю больше съ ними не видѣться. Между тѣмъ сожалѣю, что не благоугодила Гжѣ. Дюваль, хотя впрочемъ въ томъ я и невиновата; весьма рада буду, когда могу сей городъ оставить; ничто меня къ нему не привязываетъ. Одинъ только Лордъ Орвиль, съ которымъ бы желала я еще увидѣться. На одну минуту разговоръ съ нимъ могъ бы много кое чего поправить: я бы изъяснила ему тогда то, что въ запискѣ моей только слегка упомянула. Для меня всегда будетъ то утѣшеніемъ, что онъ искалъ со мною поговорить; сіе вниманіе по крайней мѣрѣ доказываетъ, что онъ не вовсе мною не доволенъ былъ.

Прощайте, любезной мой государь; скоро буду я въ состояніи испросить вашего благословенія: скоро опять время то настанетъ, въ которое паки принесу я вашей любви всю мою радость и все мое щастіе.



ПИСЬМО L.

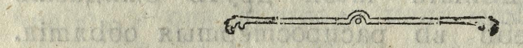
Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Милости прошу, стократно пожаловать прошу, моя вселюбезнѣйшая Евелина! наилучшій и нѣжнѣйшій твой другъ ожидаетъ тебя къ себѣ въ распростертыя объятія. Гжа. Клингтонъ съ поспѣшностію отправляется для врученія тебѣ сего письма, и чтобъ привезти тебя прямо ко мнѣ; ибо не могу я уже больше вознамѣриться оставаться съ тобою въ разлукѣ. Отъ тебя, моя Евелина, ожидаю я утѣшенія при старости обветшалыхъ моихъ дней, ты услаждать должна всѣ мои болѣзни; твое присутствіе нужно для моей отеческой къ тебѣ любви; и такъ уповаю я, что твои достойныя подруги въ Говардъ-Гровѣ извинятъ меня, естьли лишу ихъ посѣщенія, тобою имъ назначеннаго.

Я много кой чего имѣю тебѣ сказать, многія разсужденія здѣлать на твои послѣднія письма, коихъ разныя содержанія мнѣ подали безпокойствіе: но сіи примѣчанія будутъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Поспѣши, любезная дочь, пріѣхать въ домъ своего рожденія, въ которомъ препровождала ты дни своей младости, гдѣ не знала ни

печали, ни смущенія. — Да не коснутся оныя никогда сихъ спокойныхъ жилищъ!

Прости, дражайшая моя Евелина! желаю, чтобъ поспѣшность твоя къ нашему свиданію сравнялась съ тѣмъ удовольствіемъ, съ коимъ я тебя ожидаю.



ПИСЬМО LI.

Отъ Евелины къ Мисъ Мирванѣ.

Ты удивишься, любезная моя Мисъ, и можешъ быть нѣсколько смутишься, когда вмѣсто твоей подруги получишь только письмо, начертавающее весьма слабо сердечныя мои къ тебѣ чувствія. Я ожидала ежеминутно Гжу Клингтонъ, съ которою намѣрена была пріѣхать въ Говардъ-Гровъ. Она пріѣхала; но надлежало отмѣнить мой планъ, ибо привезла она ко мнѣ отъ лучшаго въ свѣтѣ друга, коего когда либо сирота нашла, письмо, наполненное нѣжности, требуя, чтобъ я немедленно въ Берри-гиль возвратилась; чему повинуясь, ты мнѣ простишь, естьли предъ тобою признаюсь, что это отъ добраго сердца онъ ко мнѣ пишетъ; да и можно ли быть инако, послѣ столь долгой разлуки, чтобъ я здѣлалась неблагодарнѣйшею дочерью?

но однакожъ милая моя Марья, хотябъ я и *желала* оставить Лондонъ, но самое исполненіе сего желанія не споспѣшествовало къ моему щастію. Я чувствовала неизреченную нетерпѣливость сюда пріѣхать; глубокое смущеніе сопровождало меня въ пути. Тыбъ съ трудомъ меня узнать могла: — ахъ! я сама себя не узнаваю. Можетъ быть увидѣвшись съ тобою, попыталась бы я излить въ твою грудь всѣ тайны моего сердца, и тогда . . . но станемъ говорить о моемъ путешествіи.

Гжа. Клинтонъ вручила Гжѣ. Дюваль письмо отъ Г. Вилларса, коимъ проситъ онъ согласиться на мой отъѣздъ; на что я получила отъ нее позволеніе: но усмотрѣвъ отбытіе мое изъ Лондона съ видомъ столь свободнымъ, и будучи увѣрена о моемъ дѣйствительномъ равнодушіи къ Г. Дюбуа, стала нѣсколько смягчаться; и обьявила мнѣ, что естьлибъ она знала меня въ такихъ чувствіяхъ пребывающую, то не потерпѣлабъ, чтобъ я опять зарылась въ деревенскую жизнь; что она не инако вздумала меня отъ себя отпустить, какъ чтобъ наказать Дюбуа.

Брантгонова семья была на прощаньи со мною; но ни слова больше объ нихъ: я выхожу изъ терпѣнія, сколь скоро о сихъ

людяхъ помышляю: они причиною всему моему возмущенію до сего мѣста меня сопровождавшему. Уныніе мое было во все время путешествія толикое, что съ величайшимъ трудомъ могла я достойную Гжу. Клингтонъ переувѣрить, что я не была больна. Когда я пріѣхала въ Берри-Гиль, и какъ карета предъ домомъ остановилась, о! любезная моя, сколь сердце отъ радости билось! и когда почтеннѣйшій мужъ въ окошко показался; когда я увидѣла его руки къ небу воздвигшаго, безъ сумнѣнія для возблагодаренія о моемъ щастливомъ пріѣздѣ, о! какое было мое волненіе! — Я сама отворила дверцы, летѣла къ его объятіямъ. Онъ шелъ-было ко мнѣ на встрѣчу, но въ то самое время, какъ я въ горницу вошла, онъ опять палъ въ кресла, испуская глубокія воздыханія, и произнесъ съ видомъ *радости озаряющимъ* сіи только слова: *благодарю тебя, Боже мой!*

Во изліяніи моей нѣжности, съ наибольшимъ стремленіемъ поверглась я къ его лонамъ; объемля ихъ, облобызая руки его, орошала ихъ моими слезами, но не имѣла силы къ разрѣшенію языка; онъ меня прияялъ въ свои отеческія объятія, прижималъ къ своему сердцу и склонивъ главу на мои ланиты, съ трудомъ проговаривалъ благосло-

венія, отЪ благодѣтельной души его на меня изліянныя.

О МисЪ МирванЪ! толико возлюбленная наилучшимЪ изЪ смертныхЪ, не должна ли я почитать себя щастливѣйшею? — Должна ли я ощущать иное желаніе, какЪ то, чтобЪ достойною себя учинить его милостей? — Не подумай однакожЪ, чтобЪ я была неблагодарная; нѣтЪ, никакЪ, хотя настоящее состояніе моего разума учиняетЪ меня неспособною вЪ сію минуту оцѣнить, такЪ какЪ бы должна была, благотворенія Провидѣнія. Мѣстное пребываніе имѣетЪ весьма мало вліянія надЪ нашимЪ щастіемЪ! Я ласкалась, что однажды навсегда пріѣхавши вЪ Берри-Гиль, опять обрящу мое спокойствіе; но обманулась, и до сего часа покой убѣгаетЪ отЪ твоей Евелины. Меня стыдЪ обЪемлетЪ вЪ семЪ признаніи. Но я налагаю на себя принужденіе столь усильное вЪ разсужденіи Г. Вилларса, что сочла оставить оное, разговаривая сЪ тобою. Прощай, любезная моя МисЪ МирванЪ.

Еще слово прибавлю: не толкуй во зло содержаніе сего письма. Не приписывай никому обвиняемой мною себя задумчивости; не воображай себѣ, чтобЪ сердце мое было легковѣрно кЪ принятію впечатлѣній мнѣ одной, и никакимЪ постороннимЪ

причинамъ должно приписывать состояніе, въ которомъ я нахожусь; и нѣтъ ничего столь праведно, вѣрь въ томъ своей преданнѣйшей

Евелинѣ.

П. п. Прошу принесть мое извиненіе ЛадиГовардѣ и государынѣ вашей матушкѣ.

ПИСЬМО LII.

Отъ той къ той же.

Ты мнѣ приписываешь въ вину, что я таюсь отъ тебя. А для того, что такъ отзываешся, то опасаюсь, чтобъ и подлинно не заслужить сей выговоръ. Ты не повѣришь, моя душа, сколько мнѣ стоитъ оправдаться предъ тобою. — Но я не умѣю противиться твоимъ столь благосклоннымъ неотступностямъ, и приступаю открыть тебѣ всѣ мои тайности: мое укрывательство былобъ не къ мѣсту, уповая притомъ, что дружба и любовь твоя ко мнѣ много пособитъ къ моему облегченію. Будь увѣрена, что ежелибъ мои скучныя обстоятельства происходили отъ другаго источника, ни малобъ не колебалась открыть тебѣ состояніе моего сердца: но положеніе,

въ которомъ я теперь нахожусь, есть такого рода, что хотѣлабъ скрыть оное не только отъ всего свѣта, но и отъ самой себя, естьлибъ возможно было. Станемъ говорить, когда уже такъ надобно.

Ахъ! Мисъ Мирванъ, думала ли бы ты когда либо, чтобъ человѣкъ, по видимому въ свѣтѣ поставленной служить всѣмъ другимъ правиломъ, — столь близокъ къ совершенству; человѣкъ учтивости безъ малѣйшаго изъятія, коего правъ столь любезной — думалаль бы ты, Мисъ Мирванъ, чтобъ *Милордъ Орвиль* могъ поступить со мною гнусно?

Довольно; никогда уже больше не буду я полагаться на видимости — никогда не повѣрю въ томъ моему слабому разсудку — никогда не увѣрюсь въ томъ, чтобъ быть добрымъ человѣкомъ, довольно быть только любезнымъ. Какія жестокіе уставы не внушаетъ намъ познаніе свѣта! — Но между тѣмъ, какъ я предаюсь моимъ размышленіямъ, я забыла, что оставила тебя въ недоумѣніи. Когда я только что окончила послѣднее мое письмо, которое къ тебѣ изъ Лондона писала, служанка домашняя приняла ко мнѣ записку. Лакей вручившей ей оную сказалъ, что онъ придетъ завтра поутру за отвѣтомъ.

Сія цидулка — но сама посуди объ оной, моя любезная; здѣсь она слѣдуетъ:

Мисъ-Анвилъ.

„Я прочелъ съ восхищеніемъ присланное вчерашняго утра ваше письмо; о любезнѣйшая изъ женъ! сожалѣю, что приключеніе съ моею каретою воспослѣдовавшее могло вамъ на минуту подать безпокойствіе; но весьма ласкательно было для меня въ тожъ самое время видѣть, съ какою ласковостію вы изъясняете ваше замѣшательство. Вѣрь мнѣ, любезное дитя, я весьма чувствителенъ за доброе ваше обо мнѣ мнѣніе; оно мнѣ честь дѣлаетъ, и наполняетъ меня нѣжностію и благодарностію. Вы посѣете гордость въ душѣ моей продолженіемъ переписки, съ толикою ласкою вами начатой, и думаю, что вы гораздо ощущаете цѣну сей милости, чтобъ не лишить меня оной. Страстно желаю представить къ ногамъ вашимъ изображенія моей благодарности и заплатить вамъ дань, должную вашей красотѣ и вашимъ совершенствамъ. Прошу ко мнѣ отписать: долго ли еще думаете остаться въ городѣ. Я принужденъ отсюда отъѣхать; но лакей, коего я пришлю за отвѣтомъ, привезетъ его ко мнѣ на почтѣ. Я буду онаго ожидать съ такою нетерпѣливостію, съ коею ни что сравняться не можетъ, какъ

развѣ то желаніе, которое имѣю васъ наисильнѣйше увѣрить, сколько я есмь, мое любезное дитя,

Вашъ искренній высокопочитатель

Орвиль. „

Какое письмо! каждая строка изъявляетъ огорченіе. Ты знаешь, милой мой другъ, въ какихъ израженіяхъ я къ нему писала: заслуживаю ли я такой отзывъ? Уничтоженіе мое тѣмъ больше чувствительно, что я сама на себя навлекла добровольно сіе поруганіе. Мое намѣреніе состояло только въ простомъ извиненіи, которымъ я должна была предъ нимъ и предъ самой собою; а разсуждая по сложенію его письма, не можно ли сказать, что въ моемъ означались такія признанія, кои способствовали къ возбужденію его презрѣнія?

Я вошла въ мою горницу, сколь скоро письмо получила: скоропостижно его глазами пробѣжала, и признаюсь, что оно мнѣ причинило удовольствіе. Ниже помыслить могла я, чтобъ подозрѣвать какую либо пакость съ стороны Милорда Орвиля, вдругъ не примѣтила я того, что досадительнаго въ письмѣ его содержалось. Вымѣривала горницу большими шагами, и самой себя не однократно спрашивала: возможно ли, чтобъ Лордъ Орвиль любилъ тебя? Но сіе спови-

дѣніе вскорѣ исчезло, и я возбудилась для того только, чтобъ дать восчувствовать въ себѣ силу совсѣмъ противныхъ дѣйствій. Прочтя въ другой разъ записку, открыла я глаза, и не узнала больше; каждое слово въ глазахъ моихъ перемѣнилось; всякое изреченіе къ стыду моему вымышлено; удивленіе мое было чрезвычайно, которое превратилось въ достодолжное негодованіе.

Должна я признаться въ своей ошибкѣ, что писала къ Милорду Орвилю; но ему ли слѣдовало дать мнѣ за то восчувствовать? Ежели предпринятой мною поступокъ казался ему не у мѣста, не должно ли было ему оной извинить по молодости лѣтъ моихъ, и по неопытности обращенія моего въ свѣтѣ?

О Мисъ! до какой чрезвычайности обманулась я на щетъ сего человѣка! Тщетно покушалась бы я начертать тебѣ всю силу того мнѣнія, которое я объ немъ имѣла: какъ бы то ни было, мнѣ должно бы можетъ быть радоваться, больше нежели смущаться, поелику сіе открываетъ мнѣ его свойства. Естьлибъ я долѣе погружена была въ заблужденіи, ежелибъ досугъ имѣла утвердить себя въ тѣхъ полезныхъ предразсужденіяхъ, кои я объ немъ заключила, кто знаетъ, до какихъ крайностей ложныя мои мысли менябъ довели? — Боюсь, чтобъ моя

опасность не превозвысилась уже надъ главою моею больше нежели я думала, и не могу безъ трепета о томъ помыслить. Мое сердце весьма предубѣждаемо было къ принятію тѣхъ впечатлѣній, которыя, естьлибъ корень свой распространили, навсегдабъ помутили и мой покой и мое благополучіе.

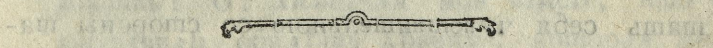
Какъ я ни стараюсь истребить изъ разума моего задумчивость его объемлющую, и представить тебѣ, мои другъ, начертанія пріятнѣйшія, состоитъ не въ возможности; ибо независимо отъ уничиженія меня подавляющаго, имѣю еще другую причину соболѣзнованія: ахъ! дражайшая моя подруга! я возмутила спокойствіе наилучшаго изъ человѣковъ. Не имѣла довольно духа показать ему сіе жестокое письмо; не могла понизить въ очахъ его того, коего не задолго предъ тѣмъ выше небесъ возносила. Мое первое начертаніе было такое, чтобъ въ сердцѣ моемъ сохранить тайну, чрезъ неотступныя твои домогательства изъ онаго исторгнутыя: сего дня хотѣлабъ я никогда не таиться въ томъ предъ Г. Виларсомъ: что долженъ онъ подумать о важномъ видѣ, меня повсюду противъ воли и обыкновенія моего сопровождающемъ? А что больше меня снѣдаетъ, опа-

саюсь, чтобъ онъ не вздумалъ, что пребываніе мое въ Лондонѣ отчуждаетъ меня отъ сельской жизни. Всѣ примѣчаютъ мою совершенную перемѣну; видъ мой блѣденъ и увядшій, здоровье поврежденное. Такъ мнѣ говорятъ, толкованія подводятъ: но сіи пререканія ничто бы для меня были, естьли бы въ то самое время не привлекали вниманіе Г. Вилларса; каждой его взоръ изъявляетъ нѣжное участіе имъ въ моемъ состояніи пріемлемое.

Въ сегоднишнемъ нашемъ разговорѣ о моемъ Лондонскомъ путешествіи упомянулъ онъ о Милордѣ Орвилѣ. Я отъ того такъ была разстроена, что искала отвесть разговоръ: не взирая на сей мой безпорядокъ, онъ не преставалъ продолжать, и къ большему моему смятенію, превозносилъ Лорда похвалами въ наисильнѣйшихъ израженіяхъ, особливо за благопристойное и честное въ Морибонѣ поведеніе. Мое лицо горѣло и съ трудомъ удержалась въ моей досадѣ; и подлинно, могла ли я спокойно слышать похвалу лучшихъ изъ человѣкъ о томъ, о которомъ я до сего наиласкательнѣйшимъ образомъ увѣрена была, и которой своимъ поступкомъ столь жестоко вывелъ меня изъ моего заблужденія?

Страшусь узнать, что Г. Вилларсъ подумалъ о моей молчаливости и смятеніи, но уповаю, что о сей матеріи уже не будетъ больше отзываться. Во ожиданіи, хочу прервать задумчивость, столь для него самаго могущую быть заразительною. Чувствую пронзительную благодарность за то, что онъ твердо не настоялъ испытать глубину моей язвы, и постараюсь ее излѣчить удостовѣреніемъ, что я никакъ не заслужила нанесеннаго мнѣ поруганія.

Но не прискорбно ли, любезная моя! жить въ свѣтѣ льстивомъ, въ коемъ не надобно ввѣряться ни своимъ очамъ, ни ушамъ, ниже чувствіямъ?



ПИСЬМО LIII.

Отъ нея къ ней же.

Ты приводишь меня въ смятеніе, дрaгая моя Мисъ, своими издѣвками, и совсѣмъ не знаю, какъ на оныя отвѣтствовать; однакожъ и то не меньше справедливо, что подозрѣнія твои далеко отъ того, чтобъ быть на дѣлѣ основанными, суть ни что иное, какъ игра твоего воображенія. Я не заслуживаю выговора въ сла-

бости отъ тебя мнѣ приписываемой; и для опроверженія твоихъ сумнѣній, остается мнѣ только стараться поставить себя превыше моихъ печалей; я потщусь безъ шутокъ къ тому трудъ приложить.

Ты мнѣ изъявляешь свое удивленіе о томъ, что сіе дѣло можетъ возмутить мое благополучіе, когда при томъ сердце не беретъ въ немъ участія. И думаешь ли дѣйствительно, зная мое превосходное о Милордѣ Орвилѣ мнѣніе, что столь странное превращеніе въ его свойствахъ можетъ быть для меня равнодушно? Такое какъ его письмо менябъ раздосадывало, хотябъ оно было писано отъ незнакомаго; а по тѣмъ больше причинамъ должна я была почитать себя чувствительною со стороны такого человѣка, отъ коего я меньше всего къ себѣ ожидала.

Ты радуешься, говоришь, что я оставила письмо безъ отвѣта; хотябъ онъ описалъ ко мнѣ въ почтительнѣйшихъ израженіяхъ, то и тогда не отважилась бы я поступить на продолженіе сей переписки. Скрытой видъ, съ коимъ сія записка была вручена, и намѣреніе прислать опять на другой день своего человѣка, довлѣли поселить во мнѣ недовѣрчивость. Отъ природы я ненавижу сокрытыхъ затѣевъ, хотя

въ семъ поступкѣ я и имѣла нещастіе отъ прямаго пути устраниться, которому я съ моихъ младыхъ ногтей научена послѣдовать.

Онъ предъявляетъ, что я вступила въ переписку съ нимъ; и какъ можетъ онъ полагать такое намѣреніе, принимать меня столь смѣлою, столь дерзкою, столь глупою? Не знаю, приходилъ ли слуга его на другой день; но я радуюсь, что отправилась изъ Лондона прежде назначеннаго часа, и при томъ безъ всякой обсылки. Чтожъ мнѣ при томъ оставалось сказать? Этобъ было много чести на такое письмо сочинителю отзывъ дать. Но я еще не отступлю отъ него; какъ могъ онъ такъ писать? О! любезная моя Мисъ, кто его заставилъ обидѣть дѣвицу, которая желалабъ лучше умереть, нежели скорбь ему причинить? Какое своевольство въ его слогѣ! Примѣчай, какъ безпощадно онъ прерывалъ мнимыя свои благодаренія и израженія благодарности! Ктобъ могъ подозрѣвать человѣка, по видимому столь скромнаго, такой величавости способнымъ?

Часъ отчасу больше сокрушаюсь, что съ укрывательствомъ въ томъ поступаю съ Г. *Вилларсомъ*; ничего не доумѣваю въ моемъ упрямствѣ; въ первомъ жару чувствовала я

непреоборимое отвращенiе, сiе произшествiе сдѣлать явнымъ; — нынѣча стыжусь согласиться, что имѣю тайну открыть. Но признаюсь въ моей винности; изъ ложной предосторожности предписала себѣ молчанiе; ибо для того, что Милордъ Орвиль самъ не поревновалъ соблюсти свой характеръ, то мнѣ ли оставалось его спасти на щетъ моего собственнаго?

Въ настоящую годину, когда уже ударъ миновалъ, когда начинаю я взирать на дѣло въ точномъ его видѣ, думаю, что я былабъ спокойна, естьлибъ не столь терзаема сосѣдними моими прiятелями. Всѣ противъ меня востаютъ; говорятъ, что мой нравъ перемѣнился, что здоровье мое очевидно упадаетъ. Сiи примѣчанiя не укрываются отъ глазъ Г. Вилларса, и онъ о томъ стонаетъ. Мрачная темнота покрываетъ почтенное его чело каждой разъ, когда обо мнѣ рѣчь идетъ, и взоръ его въ тожъ самое время изображаетъ его нѣжную любовь и безпокойство; отъ чего я страдаю тѣмъ больше, что сама единственною причиною моихъ горестей.

Госпожа Сельвинъ, помѣщица прекрасной деревни, въ трехъ миляхъ отъ Берри-Гиль отстоящей, которая всегда имѣла ко мнѣ великую дружбу, скоро поѣдетъ въ Бри-

столъ; она предложила Г. Вилларсу для поправленія моего здоровья меня съ собою туда взять. Онъ былъ въ нерѣшимости, отпустить ли меня съ нею, или нѣтъ; но я поблагодарила за сіе предложеніе, объявляя, что воздухъ чистой нашего жилища способствуетъ больше, нежели все прочее къ возстановленію моихъ силъ. Онъ меня благодарилъ за то, что я согласилась на пребываніе мое съ нимъ. Какая душа! О! какъ бы я могла, такъ какъ онъ во изліяніи своего сердца ко мнѣ писалъ, быть дѣйствительно утѣшеніемъ его ветхихъ дней!

Я не хочу больше отъ него въ разлукѣ жить. Важлива въ Берри-Гилѣ, я вездѣ индѣ буду нещастлива. Присутствіе Г. Вилларса вспомоществуетъ мнѣ возвратить опять веселость моему сложенію; и съ малымъ усиліемъ почти увѣрена я въ томъ предуспѣть; благоволеніе такого друга, каковъ онъ, возвращаетъ мнѣ мою бодрость: забуду мои попеченія въ кротости его обхожденія, а благочестіе его послужитъ мнѣ примѣромъ. Я знаю, что всемъ ему одолжена, и благотворенія его не отягчаютъ мою благодарность; далеко отъ того, я поставляю мою славу и удовлетвореніе напоминать себѣ все пространство его ко мнѣ одолженій.

Было такое время, въ которое чаяла я, что существовало бытіе на земли человѣка, сотвореннаго къ блистанію нѣкогда между себѣ подобныхъ, съ тѣмъ самымъ сіяніемъ добродѣтели, которая въ глазахъ моихъ отличаетъ достопочтеннаго Г. Вилларса; но какое было мое заблужденіе! какъ худо я судила! какъ жестоко я была обманута!

Не поѣду въ Бристоль, не смотря на убѣжденія Госпожи Сельвины; не хочу больше видѣть свѣтъ; мало времяни, что я провела въ его вихрѣ довольно для отвращенія моего отъ него. — Уповаю такожде не увидѣться больше съ Милордомъ Орвилемъ; привыкши разсуждать объ немъ съ начала перваго нашего знакомства, какъ *существо превозвышающее себѣ подобныхъ*, его присутствіе можетъ меня въ забвеніе привесть мой гнѣвъ и его обиды. Ахъ! кто можетъ его видѣть, и быть имъ недовольнымъ?

Я его любила, какъ моего брата; — повѣрилабъ ему каждую мысль моего сердца, естьлибъ онъ того потребовалъ. Тысячу кратъ сама себѣ я говорила, что сей человѣкъ не имѣлъ другихъ видовъ, другихъ желаній, какъ благополучіе себѣ подобныхъ; но не буду уже больше объ немъ помыш-

лять — не буду больше говорить, — не буду писать больше ничего того, что до него касается.

Прощай, мой любезной другЪ!



ПИСЬМО LIV.

ОтЪ нея же кЪ той же.

Ты жалуешься о моемЪ молчанiи, любезная моя МисЪ МирванЪ: но что мнѣ кЪ тебѣ писать? Ничего важнаго не представляется кЪ увѣдомленiю, а воображенiе мое не такЪ сильно, чтобЪ дополнить недостатокЪ произхожденiй. ОднакожЪ сего дня имѣю чѣмЪ наполнить письмо, и хочу дать тебѣ отчетЪ о вчерашнемЪ моемЪ разговорѣ сЪ Г. ВилларсомЪ.

Мы завтракали вмѣстѣ, и со времяни моего возвращенiя не помню я, чтобЪ проводила часЪ такЪ весело. Послѣ завтрака онЪ не пошелЪ вЪ свой кабинетЪ, какЪ то обыкновенно онЪ дѣлаетЪ; продолжалЪ свою рѣчь со мною во время исправленiя моей работы, и вѣрно не покинулЪ бы онЪ меня во все утро, естьлибЪ не помѣшалЪ намЪ посѣтившiй откупщикЪ, которой просилЪ у

него освѣта по причинѣ нѣкоторыхъ его домашнихъ дѣлъ: они вышли оба вмѣстѣ.

Оставшись одна, бѣдненькая моя голова почувствовала, съ какимъ усиліемъ поддерживала разговоры, и я была отъ того утомлена. Оставя тутъ свою работу, и облокотясь на столъ, предавалась опять въ размышленія; мало по малу недоброхотная грусть обьяла весь мой духъ. Въ такомъ положеніи находилась я, какъ Г. Вилларсъ возвратился въ горницу; я не слыхала, какъ двери отворилъ, и вдругъ увидѣла я его предо мною, смотря на меня внимательнымъ видомъ. Я оправилась скоро, и съ поспѣшностію вставъ, громко сказала: откупщикъ ушелъ, государь мой? — Не безпокойся, сказалъ онъ мнѣ важно; я назадъ пойду въ мой кабинетъ. — Такъ вы со мною не побудете, какъ я уповала? — Какъ, ты уповала! — такъ ты дѣйствительно меня ожидала? Сей вопросъ былъ весьма неожиданной, и для того я вдругъ не въ состояніи была на оной отвѣчать. Но когда я видѣла, что онъ хотѣлъ прочь итти, то я за нимъ пошла, и просила со мною пробыть. Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ съ принужденною улыбкою; нѣтъ, моя любезная, я не хочу помѣшать тебѣ въ твоихъ углубле-

ніяхЪ, и вышелЪ. Мое сердце его сопровождало, но не имѣла духа за нимЪ слѣдовать. Думала, чтобЪ не навести объясненія такЪ важнымЪ образомЪ, чего испугалась. Я вспомнила твои подозрѣнія по причинѣ моего безпокойства, и для того опасалась, чтобЪ и Г. ВилларсЪ то не такЪ же принялЪ.

Одна и задумчива, провела я все утро вЪ своей горницѣ; пріосамилась показаться веселою во время обѣда; но Г. ВилларсЪ самЪ былЪ невеселЪ, и меня одной недоставало кЪ разговору. КакЪ скоро со стола собрали, онЪ сталЪ читать, а я сѣла подлѣ окна, гдѣ, думаю, сЪ часЪ мѣста осталась. Всѣ мои помышленія обращались, какимЪ образомЪ разогнать сомнѣнія Г. Вилларса, не увѣдомляя его о обстоятельствахЪ которыя столь много мнѣ стоили отЪ него содержать вЪ невѣденіи.

Но когда составляла я себѣ начертаніе кЪ грядущему, забыла совсѣмЪ настоящее; и будучи погружена вЪ предметѣ моихЪ мысленныхЪ расположеній, не осмотрѣлась, сколь дурное дѣйствіе долженЪ произвесть мой видЪ задумчивой. Напослѣдокъ узрѣла я, что Г. ВилларсЪ положилЪ вЪ сторону свою книгу, чтобЪ тѣмЪ удобнѣе меня своими примѣчаніями обозрѣть. ТакЪ скоро и я вышла изЪ своего забвенія;

и сама не зная, что говорю, спросила у него: читалЪ ли уже онЪ? Да, отвѣчалЪ онЪ, помолчавЪ не много; да, мое дитя, я разсуждалЪ обЪ одной книгѣ, которая меня печалитЪ и вЪ смятеніе приводитЪ. Я поняла, о какой книгѣ онЪ думаетЪ сказать, и тебѣ не трудно знать, почему я не поспѣшала отвѣчать. Естьли мы вмѣстѣ читать будемЪ, будешь ли мнѣ помогать кЪ развязкѣ, какое мѣсто темнымЪ покажется? Я жестоко вздохнула, и онЪ приближившись ко мнѣ, сказалЪ голосомЪ томнымЪ: дочь, я не могу долѣе глядѣть спокойнымЪ окомЪ на твои трусти: — справедливо ли то, что ты отЪ меня скрываешь причину, потому что я дѣйствіе оной сЪ тобою раздѣляю? — Причину, сударь, и какая причина, покорно прошу? — Я не знаю; самЪ того не вѣдаю. — Не опасайся, моя любезнѣйшая Евелина, открыть мнѣ твое сердце; говори со мною откровенно; — я тебѣ совершенно обѣщаю покрыть все благостію. Признайся мнѣ, какая причина насЪ обѣихЪ столь оскорбляетЪ? кто знаетЪ, не дамЪ ли я совѣтовЪ ко услажденію твоихЪ болѣзней? — Вы весьма милостивы, государь мой; но истинно, я васЪ не понимаю. — Я чувствую, моя любезная, что тебѣ много стоитЪ подвергнуть себя изЪясненіямЪ. Посмотрю, мо-

ту ли я отгадать. — Государь мой, дѣло невозможное. Никто не отгадаетъ, не вообразитъ себѣ. . . — Я прервала рѣчь сама себѣ вдругъ на короткѣ; ибо я примѣтила, что мною произнесенное уже меня убѣждало, что *существуетъ тайна къ гаданію*; по щастію Г. Вилларсъ не примѣтилъ моей неосторожности. — Но дай мнѣ опробовать по крайней мѣрѣ; можетъ быть я лучшей угадчикъ, чѣмъ ты думаешь; и естьли думать по вѣроподобностямъ, увѣряю тебя, моя любезная, что недалеко отъ мѣты стою — и такъ будь правдива, мое дитя, и говори со мною безъ укрывательства; — не правда ли, что послѣ жизни мятежной и разсѣянной, въ Лондонѣ тобою препровожденной, сельская кажется тебѣ теперь пребываніемъ скучнымъ и не по твоему вкусу? — Нѣтъ, вѣрно я его люблю больше прежняго, и больше нежели когда либо желалабъ я, чтобъ никогда не оставляла! — О дитя мое! для чего же я принужденъ былъ согласиться на сей отъѣздъ? Мыслію моею я всегда тому сопротивлялся, но не могъ устоять противъ неотступныхъ домагательствъ, со всѣхъ сторонъ мнѣ чиненныхъ. — Да, сударь, я сама совѣщусь тѣмъ, что нескромностію моею вынудила ваше соизволеніе; но за то довольно и на-

казана! Сіи разсужденія приходятъ весьма поздо; постараемся только избавиться отъ сожалѣнія на предбудущее время и воспользоваться нашими мимошедшими ошибками. Тогда взялъ онъ стулъ и меня подлѣ себя посадилъ, продолжая рѣчь въ сихъ словахъ: Надлежитъ продолжать мои гаданія. Сожалѣешь ли о потерѣ пріятелей оставленныхъ въ городѣ? — Лишеніе ихъ сообщества не приноситъ ли тебѣ труда? Мысль, что не такъ скоро ихъ увидишь, не печалитъ ли тебя? — На примѣръ Милордъ Орвиль? — Я поднялась преисполнена смятенія; нѣтъ, любезный мой государь, не спрашивайте меня о томъ больше, — мнѣ не въ чѣмъ вамъ признаваться, нѣчего сказать; и естьли я нѣсколько времяни была невесела больше противъ обыкновеннаго, не могу доводами утвердить тому причины; сіе было единственно случайно. Надобна ли вамъ, сударь, другая книга? — или не угодно ли опять принять сію? Онъ пребывалъ въ совершенномъ молчаніи, въ то время, какъ я видъ подавала заботою въ исканіи книги; по томъ продолжалъ онъ рѣчь воздыхаючи: Ахъ! весьма вижу; моя Евелина мнѣ возвращена обратно, но не обрѣлъ въ ней моего дитяти.

Сіе слово меня сильно поразило: Такъ, сударь: громко вскричала я! она вамъ при-

надлежитЪ больше, нежели когда либо. БезЪ васЪ свѣтЪ былЪ бы для нея пустынею, а жизнь бремянемЪ: — Простите ей — и будьте еще разЪ забраломЪ всѣхЪ ея помышленій.... Она только знать можетЪ, сколько желаю я ея довѣренности, и какою цѣною оную покупаю; но исхитить ее у нея, вырвать ее у нея, правота и дружба моя никогда на то не поступятЪ. Сожалѣю, что столько настоялЪ на томЪ! пусти меня, любезное дитя, и постарайся успокоиться, мы увидимся опять, когда вмѣстѣ чай пить будемЪ. — ТакЪ вы отказываетесь меня выслушать? — НѣтЪ, но не хочу тебя принуждать: давно уже примѣчалЪ я на лицѣ твоемЪ печали; я ихЪ дѣлилЪ сЪ тобою, и не хотѣлЪ обЪ томЪ говорить; ибо надѣялся я, что время и отдаленность отЪ того, что можетЪ возмутить твой покой, принесутЪ перемѣну: но, ахЪ! печаль твоя возрастаетЪ, здоровье упадаетЪ; — однимЪ словомЪ, ты совсѣмЪ не та стала. О! любезная моя Евелина, сердце мое сокрушается отЪ твоихЪ страданій. Надобно ли, чтобЪ я видѣлЪ мое любезное дитя, мною воспитанное для поддержанія меня вЪ старости моей, надобно ли, чтобЪ я видѣлЪ ее упадшую самую подЪ тяжестію скрываемой болѣзни? —

Но поди, моя любезная, успокойся въ своей горницѣ: намъ обѣимъ нужно возвратить наше спокойствіе; въ другой разъ мы опять о томъ поговоримъ. — Ахъ! государь мой, воскликнула я съ пронзеннымъ сердцемъ: позвольте мнѣ съ вами остаться. Не подумайте обо мнѣ, чтобъ я до такой точности оскудѣла въ чувствіяхъ благодарности. — Перестанемъ о семъ говорить, прервалъ Г. Вилларсъ; не выговоры я думаю тебѣ дѣлать, и я бы сожалѣлъ, естьлибъ ты хотя на одно мгновеніе ока усумнилась о естественномъ и законномъ правѣ къ обладанію всемъ тѣмъ, что я у себя имѣю. Я только мыслилъ тебя облегчить; но чувствуемое мною самимъ безпокойствіе завело меня весьма далеко; и я неправъ, что столь сильно настоялъ. Утѣшься, моя дочь! время облегчитъ твои мученія, и все будетъ поспѣшно.

Недоставало уже больше силъ моихъ удержать въ очахъ мои слезы; пролила источникъ оныхъ; сердце мое пылало нѣжною любовію и благодарностію; но мучилась мыслію, что недостойною сдѣлалась сихъ великодушныхъ чувствій. Государь мой, сказала я голосомъ удрученнымъ: я не заслуживаю толикихъ милостей; я неспособна воздать вамъ за все мною вамъ должное; —

но по меньшей мѣрѣ сердце мое чувствуетъ цѣну вашихъ благотвореній; оно возсылаетъ къ вамъ свою благодарность.

Дражайшее мое дитя! я не могу тебя видѣть плачущую; отри свои слезы, ежели *для меня* оны проливаются; сіе зрѣлище меня печалитъ; подумай о томъ, моя Евелина, и ободрись, я того требую.

Ну! сударь, примолвила я, бросясь къ его ногамъ: скажитежъ, что вы мнѣ прощаете, и не взыскиваете за мое укрывательство; что вы мнѣ позволите открыть тайнѣйшія движенія моего сердца; примите наиторжественное обѣщаніе отъ меня, что никогда не сдѣлаюсь преступницею въ моей къ вамъ довѣренности. Отецъ мой! покровитель! единственной и лучшій мой другъ! скажите, что вы прощаете вашей Евелинѣ, и она приложитъ стараніе лучше удостоиваться вашихъ милостей. Онъ меня поднялъ, и нѣжно поцѣловалъ; казалось ожидалъ слышать отъ меня обѣщанное изъясненіе. Я въ смятеніи находилась, какъ начать сіе повѣствованіе; онъ видѣлъ мое замѣшательство, и дабы вывесть меня изъ онаго, спросилъ голосомъ пріятнымъ и забавнымъ: хочу ли я ему еще дозволить то *отгадать*, на что я согласилась моимъ молчаніемъ. — Давича сказалъ я, естьли не ошибаюсь, что сожа-

лѣешь о твоихъ Лондонскихъ пріятеляхъ; мнѣ кажется сродно, что ты скорбишь, что ихъ опять не видишь. Ты мнѣ ничего не говоришь, моя любезная: хочешь ли, чтобъ я поимянно назвалъ тѣхъ, коихъ я больше всѣхъ почитаю заслуживающихъ твое почтеніе?

Я всегда въ молчаніи пребывала, а онъ продолжалъ: между всѣми тѣми, о коихъ твои ежедневныя письма изъ Лондона писанныя упоминаютъ, мнѣ никто въ столь пріятномъ видѣ не кажется, какъ Милордъ Орвиль; можетъ быть — Знаю, сударь, къ чему ваша рѣчь клонится, и давно уже я опасалась, чтобъ то не было предметомъ вашихъ подозрѣній; но я вамъ предъявляю, что вы ошибаетесь: я ненавижу сего Лорда Орвиля; онъ послѣдній, на кого бы я взоръ свой устремила. По томъ остановилась; Г. Вилларсъ уставилъ на меня видъ съ удивленіемъ, которой меня въ стыдъ привелъ: ты ненавидишь Милорда Орвиля! отвѣчалъ онъ; и не искавши другаго отвѣта, вынула я изъ моей записной книжки письмо, кое ему отдала. Вотъ, сударь, смотрите, сколько начертанія сего человѣка разнствуютъ отъ его нарѣчія. Онъ его читалъ и опять прочиталъ не одинъ разъ, прежде нежели началъ говорить; по томъ примолвилъ: я столько

удивляюсь, что не знаю, что самъ читаю Съ котораго времяни получила ты отъ него сіе письмо? Я ему сказала, и онъ еще разъ прочелъ. Однимъ только извиненіемъ можно оправдать Милорда; надобно, чтобъ онъ хмѣленъ былъ, когда писалъ сіе странное письмо. — Какъ, Милордъ Орвиль хмѣленъ! онъ можетъ до пьяна напиваться! ... Такъ, такъ, сударь, я всему могу объ немъ повѣрить. — Я не понимаю, какъ человѣкъ столь великой нѣжности поступковъ могъ рѣшиться столь явно обругать толико честную дѣвицу. Но, милая моя, ты бы лучше сдѣлала, естьлибъ завернувъ въ пакетъ ево тотчасъ назадъ къ нему отослала. Такое возчувствованіе было бы достойное его, и заставило бы его оправдаться. И подлинно, Мисъ любезная, для чего я не спохватилась за сію мысль? Правда, что войдя въ догадку Г. Вилларса, Лорду не безъ труда было бы возстановить себя паки въ томъ отличномъ мнѣніи, кое я слабость имѣла заключить объ немъ, потому что признаніе въ его шумствѣ привело бы его, въ глазахъ моихъ, на одну доску съ подлыми людьми; но однакожъ гордость моя былабъ удовлетворена.

Положимъ, что Милордъ Орвиль писалъ бы мнѣ въ такое время, когда онъ не обла-

далъ всемъ своимъ разумомъ, то должна ли я еще быть чувствительна за его обиду, когда между тѣмъ вижу одобреніе къ себѣ почтеннаго старца, знающаго порокъ и его неумѣренности въ питьѣ только по слуху? Благость его и похвала имъ обо мнѣ произнесенная, возвращаютъ мнѣ бодрость и безконечно утѣшаютъ. Твое огорченіе, сказалъ онъ мнѣ, доказываетъ твою добродѣтель; ты представляла себѣ въ умѣ твоемъ Милорда Орвиля, какъ человѣка совершеннаго; все въ немъ возвѣщало тебѣ его достоинство, и ты думала, что сложеніе свойствъ его соотвѣтствовало наружностямъ. Съ прямодушіемъ и добросердечностію могла ли ты предвидѣть его лукавство? Твоя надежда была обманута, и ты была тѣмъ больше опечалена, что мало ожидала такой отъ него перемѣны.

Сей разговоръ мнѣ великую трусть причинилъ, но будетъ способствоватъ къ разсѣянію моихъ болѣзней. Скрытность есть враждебна для спокойствія душевнаго, и въ какую бы погрѣшность я себя ни подвергла, никогда не стану притворствомъ защищаться. Я посвящаю моей любезной Маріи и достопочтеннѣйшему Г. Вилларсу довѣренность безпредѣльную.

Прощай, моя дорогая другиня! больше всего прошу тебя не объявлять нашихЪ таинствЪ сударынѢ вашей матушкѢ. Она доброхотствуетЪ Милорду Орвилю, и не чрезЪ меня должно ей узнать, сколь мало заслуживаетЪ онЪ честь ею ему дѢлаемую.

ПИСЬМО LV.

ОтЪ Евелины кЪ МисЪ МирванѢ.

Ты удивишься, моя любезная МисЪ, услышавЪ, что я теперь нахожусь вЪ БристолѢ; но я была весьма больна, и Г. ВилларсЪ, почитая мою болѢзнь опасною, весьма настоялЪ, чтобЪ я туда сопровождала Гжу. СельвинЪ; даже просилЪ онЪ сію госпожу поспѢшить своимЪ отЪѢздомЪ.

Мы Ѣхали на протяжныхЪ, и я утомлена была меньше, нежели опасалась. Мы живемЪ вЪ прекрасной провинціи; пріятнѢйшія окружности, воздухЪ чистой и время благорастворенное споспѢшествовать будутЪ кЪ возстановленію моего здоровья: я чувствую уже немалое облегченіе, вЪ разсужденіи тѢлесныхЪ немощей разумѢется.

Не могу тебѢ изобразить, сЪ какимЪ сокрушеніемЪ отдалилась я отЪ почтеннѢй-

шаго Г. Вилларса; это уже непредпріемлемое въ Говардъ-Гроу путешествіе; тогда я всю мою надежду при себѣ имѣла; проливала слезы, и была довольна; печалилась его покидая, но однакожъ поспѣшала отправиться. Обстоятельства совсѣмъ не тѣ; теперь въ суеты мои не вмѣшивалось никакое пріятное чувствованіе, ни надежда, ни ожиданіе; оставила то, что для меня милѣе всего въ свѣтѣ; но для чего? Для побудительной причины, которая, смѣю сказать, мало меня плѣняетъ, возстановленія моего здоровья. Ежелибъ то было паче для свиданія съ моею наидружелюбнѣйшею Маріею и ея матерью, по меньшей мѣрѣ разлука съ нимъ не причинилабъ мнѣ столько муки.

Гжа. Сельвинъ оказываетъ мнѣ неописанныя ласки и одолженія: сія женщина одарена великимъ разумомъ; но прискорбно видѣть въ ней то, что стараясь снискать прочность другаго пола, потеряла всю сладость нашего. Она не весьма нравится Г. Вилларсу, и онъ неоднократно охуждалъ склонной нравъ ея къ пересмѣяніямъ; даже думаю, что естьли отпустилъ меня съ нею, то сіе было противъ его воли, и былъ поощренъ тою только мыслію, что употребленіе Бристольскихъ водъ сдѣлаетъ мнѣ

пользу. Гжа. Клинтонъ тожъ со мною, такъ что не возможно лучшаго прилагать обо мнѣ попеченія.

Мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать Лади Говардѣ Г. и Гжѣ. Мирванамъ, увѣривъ ихъ, что гдѣбъ судьба ни опредѣлила меня жить, никогда не забуду ихъ милостей.

Конецъ второй Части.



пользу. Гж [illegible] такъ
что не во[illegible] бо мнѣ
попеченія.

Мое [illegible] ьство-
вать Лад[illegible] намъ,
увѣривъ [illegible] опре-
дѣлила ме[illegible] у ихъ
милостей.

К[illegible]

